

Стратегия Эспецифизма. Интервью с Хуаном Карлосом Мечосо (FAU)

Филипе Корреа, Уругвайская анархистская федерация (ФАУ),
Анархистская Федерация Рио-де-Жанейро

август 2009

Оглавление

Испанское предисловие	4
Бразильское предисловие	5
Трудности с португальским переводом	6
Хуан Мечосо	7
1. Основные ориентиры эспецифизма: Бакунин, Малатеста и местный опыт	9
2. Как формировался эспецифизм и некоторые его принципы	13
3. Кропоткин и эспецифизм	16
4. Об адаптации теории к местным реалиям	18
5. Почему «эспецифизм»?	21
6. Был ли платформизм известен в FAU	24
7. Эспецифизм и Платформизм	26
8. Отличия от марксистских партий и анархо-синдикалистов. Взаимодействие с другими течениями.	28
9. Массовые движения. Классовая независимость	32
10. Теория и Идеология	35
11. Идеология и политическое действие	38
12. Идеология и ценности трудящихся	39
13. Социальные пузыри, порождённые фрагментацией	41
14. Политически организованный анархизм – это решающий фактор	42
15. Когда новая форма ведения политики – лишь риторика	45
16. Вопрос класса. Выбор приоритетных направлений	48
17. Субъект изменений должен быть создан	50

18. На нынешнем этапе системы: угнетённые классы как революционный «субъект»	52
19. Фрагментация и новая бедность	54
20. Общая стратегия	58
21. Понятие «стратегии в узком смысле». Почему?	61
22. О программе	62
23. Можно ли сейчас думать о времени для нашей программы?	64
24. Этап сопротивления	65
25. Почему стратегия народной власти? И какая власть?	66
26. Начиная сейчас, но изменяя практики и логику	67
27. Народная власть и разрыв	69
28. Главенство тех, кто внизу, и их власть	70
29. Уроки капитализма и дело тех, кто внизу	72
30. Наша политическая обязанность уже сегодня	73
31. Социализм требует иного пути, иного производства социального	74
32. Гибкость пути	76
33. Верх и низ как однородные поля. Разрушение старого	78
34. Транснациональные корпорации, неолиберализм и имперская власть	80
35. Наша Латинская Америка и строительство народной власти	81
36. Может ли это быть наш момент?	84
37. Вооруженная борьба FAU	85
38. Как работало боевое крыло FAU	89
39. Подготовка активистов боевого крыла. «Школка».	93
Заключение	96

Испанское предисловие

Интервью, которое следует далее, было проведено с мая по август 2009 года по электронной почте. Цель в том, чтобы перевести его и опубликовать в Бразилии в виде книги.

В середине 1990-х годов наш актив познакомился с Федерацией Анархистов Уругвая (FAU), и это оказалось определяющим для всего последующего развития анархизма, который можно было бы назвать организованным в Бразилии. Всё, что возникло во время и после деятельности Бразильского Анархистского Строительства (САВ) – инициированного из Уругвая и Бразилии бразильскими активистами, находившимися в прямом контакте с людьми из FAU, в конце 1995 – начале 1996 года, – в плане эспецифистского анархизма в Бразилии, находилось под прямым влиянием FAU.

И мы продолжаем по сей день строить низовой, классовый анархизм, который, организуясь специфически в политические организации, стремится стимулировать и влиять на народную борьбу нашей страны с целью строительства народной власти в процессе революционного разрыва, ведущего к либертарному социализму.

Зная о важности FAU в её вкладе в анархизм в Бразилии и зная о недавней работе Х. К. Мечосо по истории FAU («Acción Directa Anarquista» – 4 тома), я подумал, что было бы интересно обратиться к другой теме. Не к истории FAU, а к стратегии FAU, или, как мы назвали интервью: «стратегия эспецифизма». В вопросах, следовательно, я попытался затронуть важные для этой цели темы: понятие эспецифизма, связь этого типа анархизма с классиками и с похожими опытами, возникавшими в истории, связь эспецифизма с латиноамериканским контекстом, сравнения с другими идеологиями, которые отстаивают деятельность на различных уровнях (партия–массовое движение), понятия науки и идеологии и их связь с социализмом, программные позиции, которые анархисты должны отстаивать в народных движениях, понятия и концепции класса, неолиберализм и модель развития в Латинской Америке, народная власть, стратегия, вооружённая борьба, социальная революция.

С несколькими очень хорошо проработанными ответами интервью действительно получилось потрясающим. Прежде всего для анархистов, заинтересованных в учебных материалах, а также для тех, кто хочет немного больше узнать о наших идеях. Приятного чтения!

Декабрь 2010

Бразильское предисловие

Наконец, спустя более пяти лет после проведения этого интервью, я передаю перевод на португальский для публикации онлайн и в книжном формате издательству Faísca Publicações.

Как увидит читатель, это длинная последовательность вопросов и ответов, в которых Хуан Карлос Мечосо, выдающийся активист и один из основателей Федерации Анархистов Уругвая (FAU), рассказывает о стратегии борьбы этой организации, выстраивавшейся с момента её основания в 1956 году.

С очень содержательными ответами, многие из которых отсылают к документам самой FAU, интервью, которое заняло четыре месяца и велось по электронной почте, в итоге получилось отличным *и дающим ясные ответы на многие вопросы*. И интервьюер, и респондент остались очень воодушевлены и удовлетворены конечным результатом.

С середины 1990-х годов FAU стала оказывать определяющее влияние на бразильский анархизм. Между концом 1995 и началом 1996 года оформилась «Бразильское анархистское строительство» – совместная инициатива уругвайцев и бразильцев, целью которой было в частности объединение анархистов в стране и, в целом, возвращения их влияния в народе. С тех пор – и не без ошибок, достижений и больших усилий и самоотдачи активистов – практически всё, что было развито в Бразилии в плане эспецифистского анархизма, находилось под прямым влиянием FAU.

«Либертарная социалистическая организация» (1997–2000), «Форум организованного анархизма» (2002–2012) и «Бразильская анархистская координация» (САВ), основанная в 2012 году и присутствующая в более чем 10 бразильских штатах, являются плодами этого процесса [Ныне же, начиная с 2023 года многие эспецифисты перешли от координации к общенациональной организации – Либертарной Социалистической Организации (OSL), имеющей отделения в нескольких штатах, включая Рио-де-Жанейро, Сан-Паулу и другие]. САВ вкладывает усилия в построение низового, классового анархизма, который через свою специфически политическую организацию стремится поддерживать и влиять на социальные конфликты и народные движения в нашей стране, с целью строительства народной власти в процессе революционного разрыва, ведущего к либертарному социализму.

Термины «эспецифизм» или «эспецифистский анархизм» в некотором смысле относятся к тому, как уругвайцы из FAU стали называть тот тип анархизма, который они защищали и практиковали, имевший не только классические влияния таких анархистов, как Михаил Бакунин и Эррико Малатеста, но также и других локальных опытов и даже некоторые собственные разработки. Таким образом, отвечая на вопросы о «стратегии эспецифизма», Мечосо размышляет о том, каким образом FAU исторически находила способы воплощать свои идеи на практике и каковы были основные ориентиры, направлявшие её деятельность.

Зная недавние работы Мечосо по истории FAU («Acción Directa Anarquista: una historia de FAU», 4 тома, Editorial Recortes) и принимая во внимание его важное влияние на бразильский анархизм, я, когда предложил это интервью, подумал обратиться к другой теме. Не к истории, уже хорошо задокументированной в этих томах, а к стратегии FAU, к «стратегии эспецифизма» FAU. В вопросах, следовательно, я затронул важные для этой цели темы: понятие эспецифизма, связь этого типа анархизма с классиками и с аналогичными опытами, возникавшими в истории, связь эспецифизма с латиноамериканским контекстом, сравнения с другими идеологиями, которые отстаивают деятельность на различных уровнях (партия—массовое движение), понятия науки, идеологии и их связи с социализмом, программные позиции, которые анархисты должны отстаивать в народных движениях, понятия и концепции класса, неолиберализм, модель развития Латинской Америки, народная власть, стратегия, вооружённая борьба, социальная революция.

Должен отметить, что, на мой взгляд, этот материал обладает двумя достоинствами. С одной стороны, с исторической точки зрения, поскольку он обсуждает важные аспекты организации, которая была одной из крупнейших анархистских организаций в мире после опыта Испанской революции (1936–1939). Влияние FAU в профсоюзах, студенчестве и среди жителей тех или иных районов, если учитывать размер населения страны, было заметным и достойным упоминания в любой мировой истории анархизма.

С другой стороны, с современной перспективы, поскольку он вносит огромный вклад в современный анархизм, размышления, представленные Мечосо, и даже его ссылки на опыт FAU, являются центральными не только для совершенствования политических практик САВ, но даже для того, чтобы внести вклад в анархизм других течений и, почему бы и нет, в наиболее боевые и независимые части народных движений в целом.

Трудности с португальским переводом

Моя задержка с переводом этого материала связана с некоторыми трудностями, которые я хотел бы кратко упомянуть.

Ещё в 2009 году, когда мы завершили интервью, я подумал, что было бы важно или даже необходимо опубликовать его на португальском. Некоторое время спустя сама FAU разместила интервью онлайн и опубликовала его в брошюре в Editorial Recortes. Однако когда я подумал о том, чтобы организовать перевод и публикацию этого материала, я столкнулся с некоторыми проблемами.

Любой читатель, знакомый с текстами региона Рио-де-ла-Плата в целом и Уругвая в частности, знает, что их понимание, особенно в Бразилии, от Санта-Катарины и выше, непросто. Хотя они написаны на испанском, уругвайские тексты, особенно тексты FAU, если их просто перевести на португальский, сохранив их термины и фундаментальную структуру фраз, абзацев и самих аргументов, остаются трудными для понимания большинством бразильской публики [то же самое с российской! – пер.]. Несколько переводов текстов FAU были выполнены с такой тщательностью, уважая их выбор терминов и структуру, и, по причине этого достоинства, в итоге на

португальском они нередко создавали значительные трудности для чтения и даже понимания.

В тот момент я был довольно занят, что означало, что самым благоразумным было бы попросить других товарищей выполнить этот перевод. Однако я сразу заметил, в связи с вышеуказанной проблемой, что если бы это было сделано, вероятность возникновения сложностей была бы велика. Даже если бы с технической точки зрения мы добились хорошего перевода, всё равно, скорее всего, существовал бы большой риск для полного понимания текста большинством бразильских читателей. Поэтому я решил выполнить перевод сам, даже если это вызовет значительную задержку.

С этим решённым вопросом, мне пришлось столкнуться с другой проблемой. Я мог бы сделать всё возможное, чтобы сохранить верность испанскому оригиналу, адаптируя, насколько это возможно, термины и структуру текста; процедура, которую я обычно использую в своих переводах, хотя, по сравнению с другими, возможно, более строгими переводчиками, меня уже считают переводчиком с «тяжёлой рукой», вероятно, из-за моей постоянной работы по редактированию. Или же я мог бы выполнить адаптацию с гораздо большим вмешательством в оригинальный текст, в отношении терминов и даже целых отрывков, что, с одной стороны, сильно отходило бы от испанского оригинала, но с другой стороны, позволило бы получить конечный продукт, текст, гораздо лучше адаптированный к португальскому и понятный бразильским читателям.

Я пришёл к выводу, не без трудностей, что второй вариант был бы наиболее адекватным. Я использовал моё знание материалов FAU, чтобы в нескольких местах внести важные корректировки, которые, как я полагаю, позволили сделать текст гораздо более понятным для бразильцев. Предлагаю тем, кто хочет полной верности оригиналу, включая стиль текста уругвайцев – которая включает важные аспекты народной культуры страны и самой деятельности FAU, – обратиться к самому оригиналу, который доступен в интернете [<http://www.anarkismo.net/article/18368>].

Поэтому я беру на себя всю ответственность за любые проблемы, которые может представить этот перевод. Тем не менее, в итоге, я считаю, что это решение было наиболее правильным.

Хуан Мечосо

Наконец, я хотел бы сделать несколько замечаний о респонденте, дорогом Хуане Карлосе Мечосо, или просто «старике», как некоторые из нас его ласково называют. Я хочу сейчас отдать ему краткую и необходимую дань уважения, посвятив ему эту публикацию. Его скромность, безусловно, заставит его не одобрить эту инициативу, но я считаю, что дань уважения должна быть отдана.

Мечосо, хотя, по его собственным словам, он является лишь частью этого коллективного эксперимента уругвайских трудящихся, воплощённого в FAU, является фигурой первостепенного значения в истории анархизма.

Родившийся в 1935 году в бедной семье, сын парикмахера и рабочего и домашней прислуги, он был вынужден бросить учёбу после 4-го класса и начать работать.

Обратившись в анархизм очень рано, ещё в 14 лет, он участвовал в основании FAU в 1956 году.

Он был коммунитарным (то есть, среди жителей) активистом в Атенеуме Серро, профсоюзным лидером рабочих мясной и полиграфической промышленности. Он активно участвовал в «Рабоче-студенческом сопротивлении» (ROE) – «группировке тенденции» [объединение анархистов с не-анархистами, разделяющими отдельные аспекты анархистской стратегии] рабочих и студентов в борьбе и массовых мобилизациях, а также в «Народной революционной организации – 33 восточных» (OPR-33) {”33 восточных” - синоним Уругвая} – вооружённом крыле FAU, которое проводило такие акции, как политические похищения и экспроприации.

Проведя двенадцать лет в тюрьме, с 1973 по 1985 год, его жестоко пытали органы военной диктатуры {военная диктатура в Уругвае напрямую связана с операцией «Кондор», начатой Пиночетом из Чили}, а после открытия (политической либерализации) был одним из тех, кто вновь объединил FAU в 1980-х годах. С 1990-х годов он напрямую способствовал распространению эспецифизма в Бразилии и других странах.

Это, без сомнения, человек многофункциональный, с практическими и теоретическими способностями намного выше среднего; «большой кадр», как сказали бы некоторые.

Сегодня, приближаясь к 80 годам, и со всем этим багажом, что поражает в Мечосо – это любовь, с которой он продолжает защищать анархизм, народную борьбу и, в особенности, его скромность. В то время, когда люди с 5% его политической истории считают себя обладателями истины и делают высокомерие своей самой главной чертой, он культивирует этические принципы, которые далеки от всякой гордыни и позволяют ему общаться и дискутировать с молодыми поколениями и продолжать завоёвывать людей для своих идей.

Вместе с другими членами его организации, которые не пережили ужасающие преступления латиноамериканских военных диктатур, как в случае с его братом «Почо», Мечосо заслуживает нашей дани уважения, ещё при жизни, за его вклад в анархизм.

Я хочу выразить огромную благодарность товарищу за то, что он дал мне возможность узнать его и учиться на его обширном опыте!

Да здравствуют те, кто борется!

Приятного чтения!

Фелипе Корреа

Сентябрь 2014

СТРАТЕГИЯ ЭСПЕЦИФИЗМА

1. Основные ориентиры эспецифизма: Бакунин, Малатеста и местный опыт

Фелипе Корреа (ФК) – В этом интервью я хотел бы поговорить не только об истории Федерации анархистов Уругвая (FAU) – которая была подробно описана в четырёх томах «Acción Directa Anarquista: una historia de FAU»[1], – но и о стратегии социальных преобразований, предлагаемой FAU, которая подразумевает эспецифизм. Принимая во внимание, что эспецифизм FAU имеет широкое влияние в Латинской Америке и ещё больше в Бразилии – все эспецифистские организации страны, как уже консолидированные, так и находящиеся в стадии формирования, находятся под его прямым влиянием, – как бы вы его определили? Что есть эспецифизм для FAU?

[1. Juan Carlos Mechoso. Acción Directa Anarquista: una historia de FAU. Tomos I, II, III e IV. Montevideo: Recortes, 2011, 2005, 2006, 2009.]

Хуан Карлос Мечосо (ХКМ) – Я понимаю тематический приоритет, который вы упоминаете, хотя мне кажется полезным сказать, что эспецифизм FAU также можно «увидеть» и «прочитать» в его функционировании, в его позиционировании по отношению к некоторым проблемам, а также в стратегии, которая применялась на его политическом и активистском пути. Ясно, что этим я не говорю ничего такого, чего бы вы не знали, но мне показалось полезным, чтобы это было сказано.

Тем не менее, я хочу заявить, что постараюсь ответить на ваши вопросы, основываясь на позициях и документах, которые FAU разрабатывала в разные исторические моменты. Однако я отдам предпочтение тем, которые имеют наибольшее отношение к теоретико-политической позиции организации в настоящее время.

Я говорю это, потому что моя активистская работа всегда велась, на протяжении этих 54 лет, в рамках организационной структуры, и я участвовал в ней, на разных уровнях, в разработке, корректировке [«адекватизации»] и подтверждении позиций, которые были горизонтом нашей повседневной социальной и политической практики. Мой путь происходил в этом контексте. Я считаю, что вас больше всего интересуют позиции, которые FAU отстаивала в различных слоях общества. Безусловно, в отношении определённых частных вопросов и, возможно, в отношении некоторых деталей, я выскажу личные мнения. Я также буду вмешиваться лично, когда по техническим требованиям интервью будет необходимо обобщить тексты, написанные самой FAU. В любом случае, я постараюсь, чтобы ответы соответствовали фундаментальным стратегическим линиям организации.

В 1956 году, когда была основана FAU, общим теоретическим знаменателем активистов, участвовавших в этой политической задаче, был эспецифизм. Эта концепция анархизма была сильна общей ссылкой; под этим понималась необходимость построения анархистской политической организации. Наиболее значимым теоретическим

ориентиром в тот момент был Эррико Малатеста. Это не означало, и этот вопрос даже не обсуждался, что все его идеи и предложения будут восприниматься так, как они были выработаны в его время. Однако многие его теоретические и политические позиции, а также идеи по деятельности в социальной и народной среде были особенно приняты во внимание и послужили вдохновением.

Важно сказать, что с самого начала эспецифизм FAU, даже принимая Малатесту в качестве ориентира, не включил многие его концепции и предложения, включая его полемику с другими течениями анархизма. Из этой полемики особое внимание было уделено его опровержению индивидуализма, которое широко разделялось нами в тот момент. Михаил Бакунин был ещё одним сильным ориентиром. У него также были заимствованы некоторые идеи, которые в тот момент FAU приоритезировала в зависимости от времени и места, в которых мы жили.

Вы могли бы спросить меня: Почему FAU включила одни вещи, а не другие? У этого есть историческое объяснение. При построении FAU были разные поколения активистов. Были товарищи, которые ещё с 1910-х, 1920-х и 1930-х годов вели активную анархистскую деятельность. Многие из этих активистов участвовали в различных внутренних полемиках, до и после Русской революции, а также в разных организационных экспериментах. Товарищи, которые даже знали, общались и спорили с активистами, сформировавшими первые профсоюзы в Уругвае около 1880-х годов.

Есть такие случаи, как случай Антонио Марцовильо, который вёл активную деятельность с 1905 года и активно участвовал в формировании комитетов поддержки Эмилиано Сапаты, когда тот сражался в Мексике. Несколько активистов также участвовали в Испанской революции 1936 года. Были также анархо-синдикалисты, которые действовали вместе с товарищами, активно участвовавшими или присутствовавшими при реорганизации Региональной уругвайской рабочей федерации (FORU) в 1911 году, товарищами, которые защищали в то время эспецифизм.

В момент формирования FAU циркулировали, наряду с материалами Малатесты, и другие тексты, касающиеся эспецифизма. Один из них, созданный самими уругвайскими активистами, написанный Хосе Марией Фосальбой в 1930-х годах; другой, об анархизме и организации, Жоржа Балкански, который был связан с Болгарской федерацией (ФАКБ).

Кроме того, были и конкретные эспецифистские предшественники. В 1919 году функционировал Комитет анархистских связей, который, помимо координации либертарного активизма на профсоюзном и народном уровне, имел целью основание эспецифистской организации. В 1926 году, после долгого процесса деятельности и обсуждений, пленум Комитета анархистских связей дал жизнь FAU, в тот момент – Федерация анархистов Уругвая. Сегодняшняя FAU является, хотя и непрямо, наследницей всего этого.

Однако, несмотря на этот разнообразный активистский опыт, присутствовавший при формировании FAU, теоретическое обсуждение не было напряжённым и не было очень долгим. Существовало молчаливое согласие с момента объединения. «Старые» товарищи считали многие из тех полемик, которые в другое время велись со страстью, уже решёнными.

Можно сказать, приближаясь к тому, как происходил «реальный» вопрос, что политический характер организации проявлялся больше в способе подхода к задаче

разных фронтов работы: профсоюзного, студенческого, коммунитарного и внутреннего. Проводились анализы исторической и нынешней ситуации в Уругвае, связывая её с общей политической, профсоюзной, студенческой и коммунитарной сферами, и с акцентом на Латинскую Америку.

Одной из первых задач, осуществлённых FAU, была организация Латиноамериканского анархистского конгресса, который состоялся в 1957 году и в котором участвовали активисты из Кубы, Бразилии, Аргентины, Чили и Уругвая. Центральной заботой молодых активистов, составлявших в тот момент большинство, было то, что создаваемая политическая организация должна быть инструментом укрепления анархизма и обеспечения его «актуализации» применительно к нашей специфической латиноамериканской и уругвайской реальности. Казалось фундаментальным не копировать и не осуществлять автоматического импорта схем и формул, которые имели смысл в других исторических условиях. Мы говорили примерно следующее: «Без умственной лени, мы обязаны думать о нашей реальности и нашем времени и давать соответствующие ответы».

Следует указать, что этот приоритет в отношении Латинской Америки не исключал сильной озабоченности международным движением, принимая во внимание интернационалистские рамки уругвайского анархизма, существовавшие практически с 1860-х годов. Именно так FAU с самого начала заняла позицию, которая называлась здесь «терцеристской» (третьей), которая заключалась в полном неприятии «русского и янки империализма».

Таким образом, с самого начала сформировался эспецифизм FAU, который воплотился в конкретных достижениях: Декларация принципов, Организационная Хартия – которая устанавливала права и обязанности активистов, – попытки понять общую и частную историческую ситуацию, а также проекты работы для различных сфер, охватывающие как немедленные, так и среднесрочные и долгосрочные задачи.

В то же время мы осознавали, что многие из этих позиций должны быть улучшены и углублены на будущих конгрессах. Стоит упомянуть ещё одну вещь, которая кажется мне уместной: мы не считали вопросы исчерпанными, присутствовали скромность и осознание сложности большинства затронутых тем, и, с другой стороны, мы часто вспоминали о вреде, причинённом догматизмом, готовыми схемами и абстракциями, которые принимались вне контекста, на основе веры в то, что они будут действительны для всех времён и мест. *«Сегодня, более чем когда-либо, анархизму нужна открытая голова»*, – сказал однажды один «старый» активист.

Следует подчеркнуть, что эти позиции никогда не подразумевали релятивизма или прагматизма. Всегда существовала концептуальная структура, которая придавала опору различным дискурсам, и которая понималась как нечто находящееся в движении, охватывающее возможности изменения в зависимости от новых вкладов, возникающих в области знания. Обсуждались общие аспекты этих концептуальных вопросов, и мы пришли к некоторому общему видению.

Было неприятие архитектурной схемы базиса и надстройки и особая озабоченность такими понятиями и вопросами, как: власть и государство, идеология, роль утопии, наука и социализм, понимание классового подхода за пределами экономической структуры, реформизм и революция, пацифизм и революционное насилие, метод и содержание, постоянные элементы капиталистической структуры, неприя-

тие эволюционизма и прогрессизма. Таковы были наиболее значимые понятия и вопросы в тот момент.

Должен пояснить, что эспецифизм не понимался всеми одинаково – существовали нюансы. Большая или меньшая степень органичности и приверженность решениям были темами, которые вызывали расхождения. Никогда не обсуждалось и даже не задумывалось нечто подобное тому, что стало известно как «Синтез», то есть все анархистские течения, действующие вместе в одном и том же организме. [2]

[2. . См. документы Волина и Себастьяна Форы с названием "Анархистский Синтез": [Volin: <http://www.anarkismo.net/articulo/20027>] [Faure: <http://www.anarkismo.net/article/12392>].]

Однако в определённый момент такие факты, как практика некоторых групп и их собственный способ действий, стали выявлять стратегии и приоритеты, весьма отличные от тех, которые отстаивались активистами в профсоюзной, коммунитарной, народной среде и частью активистов из студенческой среды. Этот фактор, наряду с политическими аспектами того момента и концепцией разрыва, которую начинали отстаивать, привёл в 1963 году к выходу группы товарищей [тогда вышел к примеру Альфредо Эррандонеа, сторонник более традиционного направления]. Ясно, что эти товарищи были анархистами, но у них было иное представление о том, как осуществлять социальные преобразования.

У FAU были разные периоды деятельности. После 1963 года значительно углубились организационные аспекты, стратегическая последовательность в концепции разрыва, коллективная позиция о необходимости большей подготовки к репрессиям, которые проявлялись. Но это тема, которая может быть рассмотрена позже.

Именно в тот момент мы начали с большей строгостью подходить к систематизации теоретических тем, к организации концептуальной структуры, которая с должной последовательностью должна была поддерживать различные дискурсы. Потому что для нас политическая организация нуждалась в инструменте – или в ящике с инструментами – последовательной концептуальной структуре, которая помогала бы формулировать и служила бы руководством для стратегии разрыва, которую мы хотели осуществить, которая позволяла бы проводить строгий анализ социальной реальности и выстраивать соответствующие политические линии для воплощения этого проекта на практике.

Эти вопросы не остались лишь на словах или в области пожеланий. Одним словом, они рассматривались как деятельность, относящаяся к любому другому фронту работы, с требованием той же регулярности и того же планирования.

2. Как формировался эспецифизм и некоторые его принципы

ФК – Я вижу, что эспецифизм, отстаиваемый FAU, имеет много общего с её собственной историей. Также можно заметить, что вы связываете эспецифизм с классическим анархизмом, включающий такие идеи как различие между политической организацией и народными движениями, и, таким образом, полагаю, неизбежно виднеется широкое влияние организационных концепций Малатесты и Бакунина, которые придерживались этой позиции. Однако это не единственные влияния, поскольку мы можем найти в FAU также черты анархо-синдикализма и анархизма экспроприаторов региона Рио-де-ла-Плата. Не могли бы вы описать, каково влияние каждой из этих «частей» на концепцию эспецифизма, отстаиваемую вами? Можно ли сегодня считать FAU наследницей бакунистской концепции революционной политической организации, представленной Альянсом социалистической демократии, а также концепции «анархистской партии» Малатесты?

ХКМ – Да. Можно сказать, что всё это в целом присутствует в недрах FAU, и мы сейчас увидим, каким образом. В Уругвае двумя наиболее значительными анархистскими концепциями или течениями были анархо-синдикализм и эспецифизм. Течение, называемое антиорганизационистским, и аффинити-группы, защищавшие «пропаганду действием» [бомбизм], имели мало сил и уже исчезли к 1940-м годам. Оставалось несколько товарищей, которые участвовали в экспроприациях или сотрудничали в вооружённых операциях и которые в момент основания присоединились к FAU. Единственным, кто не вошёл в организацию, был один испанец, прошедший в тюрьме 24 года, – Боадас Рибас, каталонец, близкий к Буэнавентуре Дуррути, который в регионе Рио-де-ла-Плата общался с Мигелем Арканхелем Росиньей. Однако он оставался близок к FAU и более чем однажды сотрудничал в некоторой деятельности.

То, что называют «индивидуализмом», не имело в то время сколько-нибудь значительного выражения в Уругвае, поскольку антиорганизационисты представляли собой нечто иное, что заслуживало бы отдельного объяснения.

Разные анархистские течения, которые на уровне идей кажутся разрозненными, на практике слились в единый, живой и гибкий процесс. Но это слияние, которое вовлекло широкий круговорот идей, опытов, мнений, симпатий, не затронула жёсткое организационное ядро организации.

Я имею в виду то, что вы называете в вопросе «анархистской партией». Организация была построена субъектами-активистами, которые восхищались экспроприаторами и анархистами-мстителями, борьбой рабочих с революционными и классовыми целями, «Солидарными» {Группа, в которой участвовал Дуррути} и Дуррути,

революционной попыткой в Испании, повстанческой, классовой и организационной, а иногда и подпольной позицией Бакунина.

Однако процесс строился не как лоскутное одеяло, а как ткань, сотканная с помощью определённого метода. Верно, что он объединил одних больше, чем других, поскольку существовала неявная константа: необходимость революционного насилия для успешного процесса разрыва с капиталистической системой. Эта система оценивалась большинством активистов так же, как Малатестой, Бакуниным и другими товарищами, которые утверждали, что господство основано на насилии. Насилие, осуществляемое в различных областях, направленное на обеспечение воспроизводства системы, более того, на всем протяжении её исторического развития. Такая насильственная конфигурация, с огромной способностью к воспроизводству, может быть прервана только насильственным образом.

Вернёмся к организационному вопросу. В ходе деятельности, включавшей обсуждение, разработку и социальное действие, мы построили, по сути, идеологико-организационную ткань. В этой ткани не виделось проблемой, что публичная и подпольная работа велись одновременно; мы также утверждали, что вооружённая и публичная профсоюзно-народная деятельность должны иметь собственную органичность, в соответствии со своей спецификой, и не рассматриваться отдельно, а в рамках одной организации. FAU, как политическая организация, должна была включать в себя всю деятельность, необходимую для её стратегии и проекта революционного разрыва.

Активисты, продолжившие работу в FAU после 1963 года, идентифицировали себя с этими представлениями и чувствовали, что этот набор видов деятельности представляет собой единство, которое, будучи организованным в едином коллективе, будет иметь оперативный потенциал, в социальном и политическом плане, позволяя последовательно осуществлять процесс разрыва и начинать устанавливать новые социальные отношения.

Если, не понимая «принципов», мы не сможем построить анархистскую организацию, которая охватывала бы весь набор видов деятельности, необходимых для процесса преобразования социальных структур, мы вынесем анархизму смертный приговор.

Именно в тот момент FAU, как политическая организация, интегрировала такие компоненты, которые в конечном счёте слились и перестроились в единство, придав ей тот характер, который она имеет сегодня. Это построение не было продуктом политического решения или интеллектуального умозаключения, а было выковано в действии и вытекало из неудач, исправлений и, также, страсти к построению анархизма, который был бы частью социально-политической сцены, а не только собраний.

Тем не менее, это не завершённый процесс, поскольку такие вопросы не имеют конца. Адаптации [«адекватизации»], исправления и интеграция новых концепций представляются постоянными необходимостями.

FAU имела, имеет и будет иметь намерение продвигать революционный анархизм, организованный и соответствующий настоящему времени; таково было её намерение, что со скромностью и последовательностью она старалась его осуществлять.

Ясно, что это включало успехи и ошибки, что почти неотделимо от деятельности и присутствия в сложной социальной деятельности, требующей непрерывных ответов.

Существовала центральная забота не превращать анархизм только в критику, что в конечном счёте создало бы мир теней и безнадёжности, нечто очень близкое к смирению. Чтобы избежать любого недопонимания, могу сказать, что мы сторонники критического мышления, но считаем необходимым, чтобы наряду с ним были последовательные предложения и действия.

Наша организация помещает в своей Декларации Принципов примерно следующее: Анархизм строится, в основном, вокруг критики отношений господства во всех общественных сферах – политической, экономической, военной, юридической, религиозной, образовательной и так далее; критика эта постоянно переопределяется, в соответствии с конкретным обществом и историческим моментом, в котором она находится, различая и иерархизируя определяющие уровни в структуре общества, но всегда выражая со всей строгостью и последовательностью необходимость найти исходные основания, жёсткое ядро социальных несправедливостей и порождаемых ими кризисов.

С этими аналитическими элементами можно предпринять полную критику различных общественных структур и направлять разработку альтернативного социального проекта, который сможет устранить различные формы привилегий и сделать возможной революционную практику, которую требует этот проект, на этом долгом пути разнообразной борьбы. Теоретическая разработка, процесс и борьба, которые имеют в качестве центральной оси мощно организованную политическую работу.

3. Кропоткин и эспецифизм

ФК – Некоторые из нашего течения нередко относились к Кропоткину с предубеждением – в основном из-за его эволюционистского и отчасти просветительского подхода, часто отрицая или принижая его как значимого теоретика для «нашего» анархизма. Я не согласен с этим, поскольку считаю, что Кропоткин, несмотря на то что у него были иные позиции, чем у нас, во многом из-за контекста, в котором он жил, также имеет важный вклад, который должен приниматься во внимание. Я вижу, что Кропоткин часто цитируется и используется FAU, а также вами. С вашей точки зрения, какова ценность Кропоткина для эспецифизма?

ХКМ – Кропоткин, его идеи и его анархистский коммунизм оказали большое влияние в Рио-де-ла-Плата, а также в других местах Латинской Америки. Именно такие книги и статьи, как «Хлеб и воля», «К молодым людям» {глава из «Речей бунтовщика»} и написанные в периодических изданиях того времени переводы, мощно распространяли анархизм и, особенно, его коммунистическую концепцию. Настолько, что в Уругвае анархо-коммунистами были и антиорганизаторы, и анархо-синдикалисты, и эспецифисты. Когда Малатеста начал распространять коммунизм, он уже был известен в определённых кругах. Многие из этого знания связано с Кропоткиным и с багажом, который большая иммиграция принесла в эти края: различные либертарные активисты из Испании, Италии, Франции, уже хорошо знавшие эти теоретико-политические элементы.

Несомненно, что, независимо от уважения, которое мы питаем к Кропоткину, можно сказать, что у него есть свои плюсы и минусы в отношении его теоретических, политических предложений и позиций на международном уровне.

Следует учитывать, что он был связан с Первым Интернационалом в 1872 году, что явилось результатом его пребывания в Швейцарии. Вскоре после этого он начал разрабатывать свою концепцию анархистского коммунизма, в противовес бакунинскому коллективизму, который был доминирующим до того момента. Также неверно говорить, что он был человеком, который посвятил себя только интеллектуальной, исследовательской работе, а не самоотверженной активистской деятельности.

Кропоткин был арестован в России около 1874 года и провёл в заключении около двух лет, впоследствии бежав, путешествуя по некоторым европейским странам и ведя пропаганду. В тот момент он основал *Le Révolté*, анархистскую газету, которая доходила до Рио-де-ла-Плата, где Кропоткина много читали, особенно иммигранты, которые вскоре распространяли его идеи. Он также был связан с рабочими забастовками, и его связь с Международной ассоциацией трудящихся [Интернационалом] стоила ему судебного процесса и пяти лет тюрьмы в Лионе. Благодаря протестам за его освобождение он провёл в тюрьме не все эти годы; он был освобождён на два года раньше.

Почему я это говорю? Хотя я не говорю ничего оригинального, всегда стоит говорить о политическом росте и масштабе этого активиста, даже если у нас есть различные расхождения с его позициями.

Труды Кропоткина обширны и тематически разнообразны. Темы простираются от духа бунта, тюрем, до взаимопомощи, размышлений о государстве и Французской революции. Мне кажется ясным, что здесь не место для более широких комментариев о его творчестве.

Следует добавить, во избежание возможной путаницы, что многие позиции Кропоткина не встретили поддержки в нашем регионе, и ещё меньше в FAU, которая даже не принимала некоторые из них во внимание. Среди этих позиций можно назвать: его общее организационное предложение; его восторженный оптимизм, что революция наступит скоро, оптимистическая концепция даже для того взволнованного социального контекста; его фатализм, отмеченный акцентом на том, что *«гибель государства близка и неизбежна»* [Речи бунтовщика, глава «Разложение государств»]; его механистическая концепция вселенной, которая не была бы одобрена Малатестой.

Хотя следы его теоретического и политического воодушевления можно встретить в документах рабочего движения в Рио-де-ла-Плата, можно сказать, что это не привело к отрицательным результатам. Следует также учитывать, что это происходило в моменты большого подъёма рабочего движения анархистской ориентации, которое очень отчётливо представляло себе революционную цель. Однако можно также сказать, что большинство его материалов, отобранных для распространения, не имели теоретического или философского характера, а были, по сути, агитационными.

Я не утверждаю ничего, что было бы сродни защите «возврата к Кропоткину». Он не был весомым теоретиком в формировании активистов FAU, но также нельзя сказать, что он полностью отсутствовал. Организацией были изданы некоторые материалы, и я говорю это со всей откровенностью, предварительно достаточно обсуждавшиеся, с целью способствовать выработке идеологической линии и стратегии. Многие из этих материалов связаны с рабочей средой или с такими темами, как тюрьмы.

Можно сказать, что в FAU Кропоткин пользуется большим уважением и признанием, благодаря его обширной активистской работе и его сочинениям, столь распространённым в конце XIX и начале XX века. Мы признаём, что он стремился систематизировать идеи и искать инструменты для анализа. Но при этом методология и подходы, свойственные его времени, часто его сковывали. Они внушали ему ложную уверенность в том, что он уже достиг нужного знания, хотя на самом деле оно было ещё далеко, и заводили его в тупики.

Его творчество, однако, не может быть презируемо, несмотря на несовместимые с нами вопросы, которых, без сомнения, много. Повторяю, что есть материалы Кропоткина, которые имеют историческую важность и которые могут быть отобраны с целью частичной адаптации для анархистской организации, не разделяющей его «философской» концепции.

4. Об адаптации теории к местным реалиям

ФК – Я вижу из того, что вы говорите, что существовала и всё ещё существует стремление FAU не импортировать готовую теорию из Европы или даже от классических теоретиков, но также включать латиноамериканские элементы и собственные размышления в местный анархизм для того, чтобы он мог быть адаптирован к нашей реальности. Мне кажется ясным, что существовало большое стремление адаптировать идеологию к ситуации, к историческому моменту и к нашей местности. Каковы были эти элементы и локальные размышления, включённые в анархизм, чтобы он был адаптирован к латиноамериканской реальности?

ХКМ – Это правда. Мы даже решили не импортировать теории, схемы, методы и предложения, которые имели свой исторический момент и сегодня не являются эффективным вкладом в нашу деятельность на социально-политическом уровне.

Более того, мы решили не перенимать механически теории, схемы, методы и предложения, которые когда-то, в свой исторический момент, имели смысл, но сегодня уже не помогают нам в реальной деятельности на социально-политическом уровне.

Однако мы должны избегать путаницы, поскольку мы никогда не хотели создавать нашу собственную теорию, наш собственный концептуальный корпус, латиноамериканский, вне того, что производилось в Европе или в других частях мира. То есть мы никогда не хотели производить латиноамериканскую науку или науку из других частей мира. Научное знание, которое производится, если оно состоятельно, имеет ценность в любой точке мира.

Делая шутливую аллюзию, мы никогда не отвергали теорию относительности, её представление о времени и пространстве, из-за того, что Эйнштейн не был латиноамериканцем. Что-то, что могло бы быть похоже на абсурды СССР, демонизировавшего исследования Менделя или работы Якобсона за то, что они не вписывались в схему диалектической логики.

В моменты, когда это обсуждение проводилось, мы считали, что появляются новые исследования и новые знания, которые прерывают предыдущие представления и предлагают новые подходы, и что они должны быть обязательно включены в анархизм, под страхом того, что он останется историческим реликтом.

Мы утверждали, что категориальный корпус, который был бы принят, в силу своей должной строгости [адекватности] – даже с пониманием того, что знание бесконечно и что, следовательно, этот корпус не может быть догматичным, – должен быть дополнен элементами, которые каждая конкретная местность могла бы предложить. Мы подчёркивали, принимая во внимание существующие реалии Ла-

тинской Америки, её зависимость, её имперское угнетение и всю её историю, что было фундаментально изучать каждую реальность, каждое социальное образование, чтобы теоретические инструменты и политические координаты имели обоснование, составляя предложения не в расчёте на народ, сконструированный в голове, а на тот, который действительно существует.

История освобождения латиноамериканских народов от колониального господства и характерные признаки этих движений и их основ питали циклы дебатов, которые чередовались с обсуждением других либертарных опытов, таких как мановское движение, Мексика Магона и Сапаты и Испанская революция.

О реалиях Латинской Америки рассказывали различные журналы и истории активистов, которые путешествовали по разным странам и были реально внедрены в рабочую и народную среду стран с большим индейским и смешанным населением. Идеи и федералистская борьба Хосе Хервасио Артигаса, например, вызывали большой интерес.

Всё это не имело ничего общего с национализмом, как иногда говорили о FAU. Всегда была чёткая интернационалистская позиция, но мы знали, что не парим в воздухе, а находимся на конкретной земле, у которой есть люди и история. Верно, что некоторые из этих вещей шли вразрез с «культурой» того времени, глубоко укоренённой в очень общих и редукционистских параметрах. В некоторых случаях говорили о Латинской Америке как о чём-то однородном, что можно описать и интерпретировать с помощью очень ограниченного набора понятий.

Некоторые идеи продавались как наука. Идеи, которые сегодня хорошо известны, такие как утверждения, что местами, где в первую очередь возникнут условия для социализма, будут те, которые значительно промышленно развиты и где сильно сконцентрирован пролетариат. Говорилось, что наиболее важным для рассмотрения были бы элементы такого порядка, а всё остальное – лишь остаточные пережитки, которые будут быстро ликвидированы развитием.

В нашем регионе существовали мощные «остатки» прошлого – например, коренные и угнетённые народы, которые вели борьбу за свои права и во многих случаях оказывали глубокое сопротивление. Часть этого сопротивления была вдохновлена и подпитывалась тысячелетними идеологиями [имеется ввиду индейская культура].

Всеобъемлющие, почти механистические концепции, которые я упомянул выше, не происходили из нашей среды. Однако иногда часть из них была усвоена, принося с собой схожие позиции, которые способствовали путанице и, во многих случаях, довольно противоречивому характеру нашего теоретико-политического развития. Например, вместе с редукционистским аспектом экономистской интерпретации или европоцентризмом приходили прогрессизм и эволюционизм.

Существовала позиция против европоцентризма и его багажа, независимо от идеологических средств, из которых они исходили. Мы также старались быть внимательными к нашему внутреннему культурному колониализму – к привычке слепо следовать за модными социальными темами, схемами и формами организации, которые не имеют отношения к нашей местности, к тому, что мы здесь переживаем и в чём действительно нуждаемся. Речь шла о том, чтобы не импортировать готовые проекты и стратегии, не проанализировав предварительно ключевые аспекты нашего общества, нашего восприятия мира, нашего собственного латиноамериканского

исторического субъекта и особенностей каждой конкретной местности. Ведь именно это позволяет нам по-настоящему связаться с народом, начать процессы внутри него и вместе с ним.

Такую связь нельзя построить на одних лишь внезапных озарениях или на декретах, которые придуманы в кабинетах. При этом наша критика евроцентризма вовсе не означает, что мы отвергаем любой серьёзный и доказательный вклад из Европы – это было бы просто обратной дискриминацией.

5. Почему «эспецифизм»?

ФК – Из ваших ответов можно сделать вывод, что эспецифизм – это не то, что было придумано вами во второй половине XX века, а имя, данное практике, которая идёт от классического анархизма. Я вижу, что вы называете «эспецифизмом» бакунинский коллективизм или, главным образом, анархо-коммунизм, существовавший в Латинской Америке и во многих других местах мира, который отстаивал различные «уровни» организации – анархистской организации и народных движений. Тогда почему был выбран термин «эспецифизм» и когда FAU начала его использовать?

ХКМ – Мы никогда не считали, что эспецифизм – это наше изобретение. Мы никогда так не думали и не говорили. Это было бы, по меньшей мере, ребяческим тщеславием. Эспецифизм уже имел свою богатую историю и солидный багаж идей. И, как я говорил, в контексте формирования FAU мы видели в Малатесте его наиболее ясное и развитое выражение, особенно в некоторых его работах.

Следует учитывать, что Малатеста некоторое время находился в Аргентине – он даже проезжал через Монтевидео, в Уругвае – в 1885–1889 годах. Именно по просьбе Полиниче Маттеи, итальянского анархиста, входившего в рабочее движение, Малатеста написал первые уставы общества сопротивления – профсоюза пекарей. Вскоре профсоюзы сопротивления сильно развились и составили стеновой хребет крупных рабочих «центров», таких как Региональная рабочая федерация Аргентины (FORA) и сама FORU (Уругвай), которые охватывали около 90% организованного рабочего движения.

Ясно, что это произошло не только благодаря влиянию Малатесты. Сказать так было бы превращать нашу симпатию и уважение в религию. В рабочей среде велся поиск организационных средств, и Малатеста смог дать некоторые ответы, что было немалым делом. Своей интенсивной деятельностью, поддержанной итальянской общиной и многими другими анархистами, он основал или сильно помог эспецифистским группам в Аргентине. Именно в тот момент коллективисты, особенно испанцы, проживавшие в Аргентине, стали придерживаться анархистского коммунизма, активисты которого объединяли эти ядра. Это быстро повлияло на Уругвай, поскольку связь с аргентинскими анархистами была постоянной.

Чтобы не слишком затягивать этот вопрос, должен сказать, что в 1920-х годах существовала другая FAU (Федерация анархистов Уругвая), вдохновлённая эспецифистскими идеями.

В отношении вашего вопроса могу сказать, что выбор использования термина «эспецифизм» был необходим, чтобы указать, в какой части анархистского идеологического спектра мы находимся. Мы использовали этот термин, чтобы указать, прежде всего, что мы сторонники анархистской политической организации и что наши позиции, стратегия, общая идеологическая линия и программа отличаются от

других анархистских концепций. Такие концепции, с которыми у нас могли быть отдельные совпадения, не имели регулярной деятельности, соответствующей тому, что мы считали фундаментальным с точки зрения повседневной работы на социально-политическом уровне, которая, как мы полагали, должна быть увязана со стратегией и тактикой, которые мы считали последовательными и необходимыми для процесса революционного разрыва – нашей конечной цели.

В то же время должен добавить, что мы не рассматривали эспецифизм как завершённый теоретико-политический корпус, а как важную рамку, которая должна продолжать развиваться. Наша организация, как и все анархистские организации, идентифицирующие себя с этим общим направлением, должна была скромно пытаться внести посильный вклад, чтобы не стоять на месте в прошлом.

Что-то подобное было заявлено FAU на Латиноамериканской конференции 1957 года; недостаточно было подводить итоги и подчёркивать, что анархизм находится в упадке – что в тот момент было чистой правдой. Наша ответственность заключалась в том, чтобы разместить его во времени и связать с поставленными проблемами.

Нам казалось, что первым аспектом, который следовало рассмотреть, было то, что что-то было не так. Было легко искать виноватых вне анархизма, говорить, что перемены вытеснили нас из социальной сферы, и много других вещей, которые звучали скорее как самооправдание и определённый конформизм. Однако это помешало бы нам встретить исторический вызов, стоящий перед нами, и не позволило бы признать, что мы не сумели вовремя приспособиться к изменениям в капитализме и не успевали отслеживать их. Мы не хотели повторять одно и то же, замкнувшись на себе, без понимания социальных процессов и без того, чтобы полностью встать на сторону нашего народа; мы не хотели превращаться на практике в своего рода элиту, способную на чрезмерную критику, но испытывающую огромные трудности в том, чтобы учиться у всего нового, что приносило с собой время.

На этой латиноамериканской конференции эту позицию защищала не только FAU; аргентинская делегация, которая в определённые моменты проявляла большую проницательность, провела широкий анализ наших трудностей в тот момент.

Мы утверждали, что в большинстве случаев мы неправильно ставили вопросы и, как следствие, ответы не могли быть адекватными. Как указывает Гастон Башляр, правильно поставить вопросы – уже большой шаг. Казалось фундаментальным широко включить скромность, знать ситуацию, в которой мы находимся, и признать, что у нас неизбежно будет много трудностей при попытке выбраться из этого социального лабиринта. В конце концов, мы потеряли ориентир большого исторического периода, не задавшись вопросом о том, что происходит.

Мы должны искать ориентиры в тех старых конгрессах, в которых участвовали «старые» теоретики и в которых со смелостью и творчеством выдвигались философские и политические позиции, стремившиеся продвинуться вперёд и привлечь интерес широкой публики. Для того, что я хочу подчеркнуть, не важно, что многие из тех позиций были пропитаны структурой знания того исторического момента и сегодня, в свете новых исследований и открытий, могут считаться недостаточно состоятельными. Я подчёркиваю лишь политическую позицию.

В определённую эпоху, которая была не короткой, анархистские активисты анализировали стоящую перед ними проблематику и формулировали предложения действий. Все периоды характеризовались многими изменениями. Поэтому отсутствие адекватных ответов указывало на то, что проблематика не рассматривалась правильно, что отсутствовало творчество, политическая смелость исследовать новое, упражняться в критическом мышлении. Это «старые» теоретики делали очень хорошо, отдавая свои жизни анархизму и находя продолжение в различных последующих движениях.

Должен подчеркнуть, что в нашем «публичном» представлении, в наших кругах и для других политических и социальных организаций мы не представлялись как эспецифисты; мы представлялись как анархистская политическая организация. Термин «эспецифизм» полезен только среди анархистов или для ответа на тот вопрос, который журналисты часто задают нам в своих репортажах: какого анархизма мы придерживаемся. На народном уровне, если бы мы заявляли, что мы эспецифисты, это означало бы, что нам пришлось бы носить с собой в кармане пояснительную листовку, чтобы вручать её всякий раз, когда мы делаем это заявление.

Мы чётко давали понять внутри организации и анархистам в целом, что мы часть анархистского идеологического течения, и что всегда было нашим желанием внести свой вклад, пусть даже самый скромный, в продолжение его продвижения. Это продвижение также подразумевает включение различных вкладов, исследований и открытий, которые появляются там и сям, как в результате работ по исторической археологии, так и в поиске нового.

Должен добавить, что сегодня многие из наших товарищей предпочитают точное и ясное определение и таким образом определяют FAU просто как анархистскую политическую организацию.

6. Был ли платформизм известен в FAU

ФК – С самого начала FAU вы используете эту организационную концепцию эспецифизма? Я говорю это потому, что когда FAU была основана, уже существовали некоторые документы, которые, по крайней мере с моей точки зрения, являются продуктом той же «среды», в которой формировался эспецифизм FAU, и имеет определённое сходство с ним. Я говорю, в частности, об «Организационной платформе Всеобщего Союза Анархистов»[3] Дело Труда 1926 года, Платформе Федерации анархо-коммунистов Болгарии[4] 1945 года и «Манифесте Либертарного Коммунизма»[5] Жоржа Фонтени 1953 года. *Были ли вам знакомы эти документы в тот период, когда создавалась FAU и когда вы разрабатывали и актуализировали концепцию эспецифизма? Оказали ли они какое-либо влияние на формирование эспецифизма FAU?*

[3. Dielo Truda. “Plataforma Organizacional dos Comunistas Libertários” [http://www.nestormakhno.info/portuguese/platform2/org_p...t.htm].”.

4. FAKB. “Plataforma da Federação dos Anarco-Comunistas da Bulgária”. In: Michael Schmidt. Anarquismo Búlgaro em Armas. São Paulo: Faísca, 2009.

5. Georges Fontenis. “Manifiesto Comunista Libertario”. [<http://flag.blackened.net/revolt/inter/groups/cuac/comu...html>]. — на русском доступны первое и третье.

ХКМ – Полагаю, что часть этого вопроса уже была отвечена ранее. Но мы можем повторить, что ни один из этих документов не циркулировал в процессе формирования FAU, за исключением текста Балкански, который принадлежал Болгарской федерации.

В этом процессе была сформирована Комиссия по созданию Уругвайской либертарной федерации (CPFLU), которая работала в течение 1955 года, назначенная национальным пленумом, для распространения позиций по различным темам. В ходе работы комиссии упоминались такие опыты, как формирование Либертарной федерации в Аргентине в 1901 году. В момент разработки Декларации Принципов и Организационной Хартии был вклад «старых» товарищей – которые участвовали во многих организациях в Рио-де-ла-Плата между 1905 и 1950 годами, – а также молодых активистов – особенно Либертарной молодёжи (JJLL), которая имела в тот момент решающую близость к Студенческой университетской федерации, функционировавшей с полностью федералистской и либертарной структурой. Другая группа, присутствовавшая в этом процессе, Cerro, имела товарищей, участвовавших в различных организационных опытах – один из них участвовал в Испанской революции, – которые имели опыт и уже разработали конкретные предложения не только по принципам или Организационной хартии, но и по стратегии и программе.

Было опубликовано множество подготовительных бюллетеней, содержащих различные документы; они включали любое предложение, которое должно было быть рассмотрено на учредительном собрании. Если бы кто-то предложил какой-либо

из этих документов, которые вы упоминаете, они были бы включены, поскольку доминирующим критерием был именно такой. Должен сказать, что акцент на «здесь и сейчас», как говорили в то время, не означал никакой готовности с нашей стороны не принимать во внимание предыдущие опыты, документы и борьбу. Ничего не исключалось. Вопрос о документах, которые циркулировали в процессе основания, рассматривался именно так, как я изложил.

Тот факт, что эти документы, которые вы упоминаете, не появились в процессе основания, не означает, что «старые» товарищи не знали их. Например, такие образцовые активисты, как Нестор Махно и Пётр Аршинов, часто упоминались в разговорах за несколько лет до основания FAU, как в Атенеуме Серро, так и в JJLL; кроме того, издание «Argonauta» о махновском движении имело широкое распространение[6]. Добавлю, для любопытства, что эта книга также была опубликована на русском, и было несколько активистов, связанных с деятельностью FAU, родом из того региона.

[6. Имеется в виду «История махновского движения» Аршинова.]

7. Эспецифизм и Платформизм

ФК – Сегодня эти документы, которые я упомянул выше, составляют основу стратегии организаций, придерживающихся платформистской традиции и называющих себя анархо-коммунистами. Поскольку эспецифизм под этим названием признаётся только здесь, в Латинской Америке, многие из этих организаций были нашими собеседниками в других странах. Во-первых, хотел бы узнать, есть ли у вас доступ к этим документам, и попросить вас высказать свои комментарии о них. Затем хотел бы узнать: В чём, по вашему мнению, разница между эспецифизмом и платформизмом?

ХКМ – Критерий в отношении информации и активистского образования был очень широким. Ещё до того, как FAU была создана, существовали социальные организации, такие как Атенеум Серро и профсоюзы, которые имели большие библиотеки. Эти места стремились стимулировать чтение и создавать атмосферу для обмена опытом и знаниями между активистами. Многие анархистские материалы и другие близкие или общеинтересные произведения читались. Я имею в виду особенно рабочую среду. В том контексте большая часть либертарных активистов или близких к нашим идеям читала Луиджи Фаббри, Рудольфа Роккера, Фаусто Фаласки, Рикардо Мелью, Ансельмо Лоренсо, Петра Аршинова, Рикардо Флореса Магона, Рафаэля Баррета, Мануэля Гонсалеса Праду и, очевидно, Бакунина, Малатесту и Кропоткина. Эти авторы читались и обсуждались формально и неформально. Наряду с ними читались также брошюры и статьи с новыми подходами, например, тексты Гастона Леваля и других.

Наиболее вероятно, что платформизм не был известен многим активистам. Не знаю, циркулировали ли его основные тексты в этих кругах, как среди активистов FAU, так и среди тех, кто участвовал в Латиноамериканском конгрессе. Они никогда не упоминались в либертарных группах, действовавших в 1950–1960-х годах. Анархо-коммунисты, сторонники организации в Аргентине и Чили в то время, соглашались с позициями Малатесты.

Однако регулярные упоминания тех, кто был авторами «Платформы», как образцовых активистов, всегда были очень распространены; о них всегда говорили с большой симпатией и уважением, но не более того.

Лично у меня осталось впечатление, годы спустя, что то, что отстаивали платформисты, было очень близко к эспецифизму, в частности к эспецифизму, практикуемому FAU. Анализ различий и сходств между этими двумя концепциями – который учитывал бы аспекты, всё ещё актуальные, и те, которые строго связаны с определённой исторической ситуацией, – требует специальной работы, которая, более того, могла бы быть очень интересной. Но это требует времени, самоотдачи и обращения к большому количеству документации; это деликатная задача и тема, на которую нельзя импровизировать. В данный момент это задача, которая меня

не вдохновляет. Я даже не думаю о возможности провести схематический и общий анализ, без больших претензий на глубину или полноту, ибо, как я сказал ранее, сейчас я сосредоточен на завершении исторической работы о нашей организации, а потому у меня не так много свободного времени.

Поэтому этот ответ будет дан только на уровне «впечатлений». В качестве вклада я мог бы добавить, что если бы мы спросили товарищей из FAU предыдущих поколений о том, что такое платформизм, я полагаю, исходя из того, как происходили дела здесь, они ответили бы что-то вроде: это эспецифистское течение, как наше, которое впитало другую историю и другой опыт.

Как видите, я делаю много упоминаний о проблемах, которые мы должны преодолеть, о вызовах, стоящих перед нами, о необходимости начать твёрдо идти вперед, чтобы восстановить утраченные позиции. Я говорю всё это исходя из перспективы, что анархизм имел обширный прошлый опыт и что сегодня ему ещё есть что сказать и сделать. Очевидно, что либертарная история не начинается сейчас; мы наследники прошлого, полного битв, образцовых активистов, настоящих народных героев.

Анархизм написал великие страницы в истории. Мир трудящихся знает самоотверженность и цельность, которые его характеризовали, наряду с прошлым, которое даже внушает нам трепет. Анархизм дал полные ответы на необходимость преобразования структур капиталистической системы и точно установил общие линии общественной перестройки, которые в своих фундаментальных аспектах имеют неоспоримую актуальность; он подчеркнул народное участие, прямое действие, императив неучастия в буржуазных учреждениях. Перед лицом краха других концепций социализма анархизм может сегодня, перед историей, заявить о своём праве развивать свою модель в обществе. Ясно, что это может быть сделано только внутри истории, но не в рамках существующей власти, которая должна быть побеждена, поскольку она не падёт сама собой. В нашей концепции эта власть должна быть побеждена огнём и мечом.

8. Отличия от марксистских партий и анархо-синдикалистов. Взаимодействие с другими течениями.

ФК – Внутри социалистических течений – как авторитарных, так и антиавторитарных – есть течения, которые, как и мы, придерживаются этого разделения между политической организацией и народным движением. Не могли бы вы пояснить, в чём разница между отношениями анархистской организации и народных движений и отношениями ленинистских/троцкистских партий с этими движениями? То есть, что отличает эспецифистскую анархистскую организацию от авторитарной партии? Не могли бы вы немного рассказать о взаимоотношениях между анархистской организацией и народными движениями?

ХКМ – Я разделю темы, чтобы ответ был более чётким. Сначала я рассмотрю то, что традиционно называлось авторитарными партиями. Эта тема ведёт нас к другой – необходимости новой формы ведения политики, что одновременно означает иной подход к политической организации, с акцентом на аспекты, противоположные марксистским группам и организациям в целом.

У всех них есть стратегии, которые предполагают минимальное или даже пассивное участие рабочего класса и народного движения в целом. Они считают, что представляют интересы трудящихся, и что именно партия должна укрепляться, поскольку преобразования или, в некоторых случаях, революционные события исходят сверху и определяются партией. Во всех случаях, в одних больше, в других меньше, так называемые «массы» функционируют как приводные ремни. Именно партия руководит процессом, определяя, что должно быть сделано, не оставляя «массовому» движению какой-либо возможности значимого участия в принятии решений.

Без сомнения, мы должны различать стратегии этих партий: социал-демократов и марксистов-ленинистов.

История социал-демократий хорошо известна, хотя, несмотря ни на что, в той или иной одежде они всегда вновь появляются. Реформистские позиции социал-демократии Второго Интернационала отстаивали постепенные преобразования через реформы – преобразования, которые не ставили под сомнение структуру господства. Эти партии очень быстро превратились в сторонников мелких изменений или второстепенных улучшений функционирования системы. Слово «социализм» упоминалось в их речах, но затем на деле, они отказались от всякой реальной возможности преодоления капитализма. Реформизм не принял стратегию власти, а приспособился к ней, пока не интегрировался в совокупность структур, в функционирование, в институты капитализма; его логика развивалась в том же направ-

лении: прося голоса у народа и заявляя, что представляет его. В конечном счёте социал-демократия сделала капитализм своей лучшей средой существования и воспроизводства. Сегодня она мало говорит или вообще не говорит о социализме и поиске глубинных преобразований через улучшения капитализма. Настолько, что во многих странах она заключала соглашения с правыми партиями.

С другой стороны, у нас есть случай Ленина, который, присвоив тезис Каутского о том, что идеология приходит извне, доверяет партии также идеологию пролетариата. Таким образом, именно партия ведёт политику и является просвещённым носителем идеологии масс трудящихся. Это явно авангардистская концепция, которая, присваивая себе всё, в конечном счёте возлагает все свои надежды на интеллектуалов, почти все из которых происходят из зажиточных слоёв или высшего среднего класса общества.

Здесь необходимо сделать отступление, чтобы подчеркнуть важность темы – путаницы между двумя очень разными понятиями: идеологией и теорией, которую мы затронем далее сжато. Но вернёмся к марксизму-ленинизму.

«Те, кто внизу» – я буду использовать этот термин, который кажется мне ясным и близок к тому, что Бакунин использовал в некоторых случаях, – для марксистов-ленинистов остаются подчинёнными во всём, что не касается требований. И даже в этих требованиях они ограничены: им позволяется выдвигать их лишь до тех пор, пока те не ставят под сомнение альянсы и приоритеты, установленные партией. В этой схеме существует фактически только одно направление: от партии к классу и ко всему населению. Фундаментальное убеждение состоит в том, что население – и его исторический субъект, «класс» – должно оставаться подчинённым партии, поскольку сам по себе класс неспособен создать освободительные учреждения. Часто говорилось, что класс «не обладает сознанием для себя». Также утверждалось, что в недрах капиталистического общества невозможно было бы породить снизу фундаментальные условия для разрыва. Таким образом, не имеет значения уровень развития, самоорганизации, самоуправления народных организаций. По сути, речь идёт не о создании сильного народа, а о создании сильной партии.

Как только марксизм-ленинизм пришёл к власти, эта логика не изменилась. Пролетариат и народ должны были оставаться верными партии под страхом быть обвинёнными в предательстве тех, кто их представлял и продвигал их интересы. Столп преемственности режима держался на послушном народе или на том, кто явно не выражал своих разногласий.

Можно сказать, что мы, анархисты-эспецифисты, не разделяем эти два уровня и, тем более, не подчиняем один уровень другому. Мы считаем, что это специфические уровни, которые выполняют разные социальные функции и должны находиться в постоянном взаимодействии.

Организационная форма – это не менее важный вопрос. «Демократический» централизм – это концепция, которая действует с авангардистской динамикой партии; без этого организационного инструмента такая ориентация была бы невозможна. Поэтому эта организационная форма должна оцениваться как важная часть концептуальной структуры этих организаций. В наших организациях эту роль выполняет федерализм.

Существуют и другие исторические течения марксизма, но можно сказать, что у них есть общий знаменатель: авангардистская концепция. Часто замаскированная, но не меняющая ось их фундаментального политического действия. Все они считают государство центром, из которого следует продвигать преобразования, которые они предлагают осуществить.

Однако есть некоторые антиавторитарные течения, которые, возможно, нельзя строго определить, установив общий стандарт. Исторически в Рио-де-ла-Плата были влиятельные группы, главным образом в Аргентине, которые называли себя антиорганизаторами. Со временем и через сложный процесс они включились в профсоюзную работу и способствовали развитию синдикализма революционного типа.

В этом регионе существует анархо-синдикализм, который представляет собой довольно своеобразное антиавторитарное движение; на практике он ведёт политику и идеологию из самой профсоюзной работы. Анархисты-синдикалисты защищают концепцию, согласно которой профсоюз способен осуществить революцию и впоследствии перестроить общество на иных, социалистических и либертарных основах. Но, в отличие от большинства других антиавторитарных групп, они внедрены в профсоюзную среду и ежедневно имеют дело с требованиями, запросами и борьбой рабочего класса, с которым они связаны.

Например, части Всеобщей конфедерации труда (CGT) Испании, явно анархистские, несколько лет назад способствовали созданию платформы, которая служила местом встречи и диалога для анархистских групп, заинтересованных в оживлении нашей идеологии. Эта инициатива называлась «Международная Либертарная солидарность» (SIL), и Хосе Мария Олайсола, в то время секретарь CGT, был тем, кто продвигал эту инициативу. Это была платформа, где мы могли анализировать наше текущее положение с товарищами из разных стран. Новая комиссия, принявшая руководство CGT, назначенная конгрессом, не продолжила заниматься SIL, которая в итоге перестала существовать. Товарищи, отстаивавшие значимость SIL, по большей части сформировали группу «Взаимопомощь» и сохранили ту же деятельность. Это ядро является организационистским и имеет очень тесные связи со специфическими организациями как в Европе, так и в Латинской Америке. Это пример, демонстрирующий особенности некоторых из этих движений и общие точки, которые мы можем с ними иметь.

Я кратко упомяну резолюцию конгресса FAU 1986 года, поскольку мне кажется, что она имеет большое отношение к этой теме. В той резолюции, подтверждённой на конгрессе 1988 года, устанавливалось, что мы должны делать всё возможное для проведения точечной работы и низовых соглашений в недрах социальных организаций со всеми либертарными товарищами, которые вели активную деятельность на уровнях, охватываемых организацией. Устанавливалось также, что мы должны максимально избегать полемики, столь обедняющей и бесплодной в другие моменты и угрожавшей вернуться. Мы должны были иметь в виду, устанавливая любой вид точечного совместного действия, что эти другие анархистские группировки имели иные концепции, иные предпочтения и иные стратегии. В этих рамках мы координировали бы, как дифференцированная организация с собственной стратегией, всё, что было возможно, в плане социального действия. Мы знали, что будут

группы, которые захотят это делать, и другие, которые не захотят. Было решено, что обсуждения, которые должны будут проводиться в этих ситуациях, должны будут касаться исключительно конкретных обсуждаемых пунктов.

На практике это происходило в нескольких случаях. Была координация с другими группами и анархистскими товарищами, например, во время Иракской войны, в даты, посвящённые памяти таких анархистов, как Сакко и Ванцетти, и таким событиям, как Испанская революция. Но, без сомнения, эта координация зависит от каждого места и установленных отношений.

В отношении вопроса о партии, я должен сказать, что в последнее время особенно отождествляются понятия партии и политики; кроме того, партия отождествляется со способом ведения политики, который среди некоторых сильно дискредитирован. Обычно говорят, что электоральные партии и партии с демократически-централистской структурой принимают народ во внимание только в периоды выборов. В остальное время расстояние между партиями и народом огромно. В некоторых случаях есть политики, которые поддерживают репрессии против своих собственных избирателей за то, что те мобилизуются вокруг какого-либо вопроса.

Мы, как и многие другие либертарные группы, не понимаем политику таким образом. Однако мы не можем выплеснуть ребёнка вместе с водой.

9. Массовые движения. Классовая независимость

Теперь я займусь отношениями между социальными и политическими организациями. В данный момент я затрону только некоторые аспекты и оставлю вопросы о народной власти для рассмотрения немного позже.

Первый аспект, который, как мне кажется, необходимо затронуть, – это вопрос классовой независимости. Под классом я здесь имею в виду совокупность угнетённых классов, порождённых в этот исторический период. Эта связь между классами и историческим периодом также будет развита немного позже. Вопрос классовой независимости тесно связан с возможностью создания народной власти; или, как говорила FAU в 1960-х годах, «создания сильного народа». Производство соответствующего дискурса также, без сомнения, имеет фундаментальное значение. Как говорят некоторые исследователи этого вопроса, *«в любом обществе множественные отношения власти пронизывают, характеризуют и составляют социальное тело. Эти отношения власти не могут быть отделены, установлены или действовать без производства, накопления, циркуляции, функционирования дискурсов»*.

Концепция и практика народной власти имеют своё специфическое производство, свой собственный дискурс. Чтобы эта концепция и эта практика вмешивались как преобразующая сила, чтобы они изменяли ситуацию и производили разрушительные для системы изменения, есть необходимое условие: они должны всё время сохранять свою независимость. В другие моменты исторического развития мы говорили о «классовой независимости»; сегодня мы бы сказали, приспосабливаясь к новому контексту, «независимости угнетённых классов», то есть всех социальных движений. Этой категорией мы хотим охватить особые характеристики каждого социального образования, его историю, его развитие, не упуская из виду того общего, что есть с другими странами, прежде всего с нашим регионом, и определяющих факторов, установленных мировыми структурами власти.

Хорошо известно, что сети господствующей власти перемалывают, манипулируют и лепят; они охватывают партии, идеологии, движения и истории, лепят их и превращают в хороших последователей старого и воспроизводителей нынешнего. Этот механизм постоянно повторяется. Несоизмеримые силы подтверждают такую логику и вращают это колесо безумия. Этот механизм должен быть атакован предложениями и действиями иного содержания, с последовательностью, которая делает возможной твёрдость. Не будет лишним, следовательно, вновь подтвердить, что огромная циркуляция одних и тех же динамик и логик не может создать ничего нового. Она может только воссоздать то, что уже существует, с большей или меньшей фантазией.

Чтобы могли быть установлены иные социальные отношения, факты, кажется, указывают на необходимость использования иных материалов для этого нового строительства: иного подхода, иной перспективы, иной логики, иных практик, иных механизмов и иной отправной точки. В этом нет ничего оригинального. Речь идёт о новой цивилизации, намеченной старыми социалистами. Этот процесс должен опираться и развиваться через железную независимость угнетённых классов, народа, который строит свою судьбу, в той мере, в какой это позволяют исторические условия.

Препятствия, отношения, сами молчаливые и явные союзы должны строиться с этой перспективы независимости. Поскольку мы не можем и не должны изолироваться, поскольку мы должны быть частью «путаницы» и сложных и изменчивых социальных событий, этот фактор приобретает в стратегическом плане первостепенное значение.

Мы видели, что население часто выдвигает свои требования, свои протесты и свои запросы вне традиционных каналов. Однако это была не только широкая борьба, которая свержала правительства или предотвращала правые государственные перевороты, – речь идет также о боях прямого действия вокруг конкретных требований, которые порой становились проявлением народного правосудия.

В последнее время не правительства и не социал-демократические партии стремятся эффективно сдержать наступление неолиберализма. Как показывает новейшая история, единственными социальными силами, которые действительно действовали, стремясь блокировать, сопротивляться и даже побеждать неолиберальные режимы, были силы движений угнетённых классов, которые вышли на улицы. Затем пришли «прогрессивные» правительства разных типов, но это уже другой вопрос.

Те, кто основывается на парадигмах прошлого, которого уже нет, говорят о том, чтобы направить это народные структуры и его борьбу в разрешённые каналы, и стремятся это сделать. Они не хотят убедиться, что эти пути только приручают народ и имеют пагубные результаты в удовлетворении неотложных нужд и чаяний народа; они хотят направить возрождающуюся энергию и надежду в тупики.

Процесс продвижения к социализму является результатом определённых практик, которые делают возможным реальное формирование сознания самой цели, и в этом солидарность играет более чем важную роль, как и мобилизация и организация различных народных стремлений, всей этой вселенной тех, кто внизу. Известно, что социализм не будет декретирован и не будет осуществлён только партиями, которые называют себя социалистическими.

Политическая организация, соответствующая своему времени и народному движению, имеет фундаментальную роль, которую предстоит выполнить. Однако сила находится в самом народе, как в отношении предварительного этапа, так и последующего. Независимость народного движения, всех его организационных форм – самоуправляющихся, самоорганизующихся, эффективно участвующих и федералистских, – это то, что придаст прочность процессу и обеспечит реальные возможности для социалистической трансформации.

Есть и другие, кто рискует высказывать довольно смелые мнения. Они говорят нам, что в этих мобилизациях есть зародыш нового, «посткапиталистического» общества, и что это процесс, который нельзя остановить. Никакой фатализм не хорош. Потребуется организация и воля социальных сил, чтобы произошли глубинные

преобразования и установилась линия последовательного процесса. Однако это функция политической организации; в гармонии с этим процессом она становится необходимой.

10. Теория и Идеология

ФК – Существует ли научный социализм? Можно ли произвести концептуальный корпус, который ведёт к нему? Если не существует никакой фатальности, которая вела бы нас к социализму, как в действительности и нет, то как бы мы тогда определяли социализм – в нашем случае, либертарный социализм?

ХКМ – Два понятия довольно регулярно использовались как синонимы, будто речь шла об одном и том же, и так называемый «научный социализм» имеет к этому отношение. Поясню. Теория (область науки) – это одно, а идеология – совсем другое. Возможно, будет более наглядно рассмотреть вопрос об идеологии и теории прежде, чем мы перейдём к научному социализму. В документах организации из разных периодов затрагивалась эта проблематика, и я постараюсь обратиться к ним.

Теория – в социальной сфере, которая является нашим предметом в данный момент, – указывает на разработку концептуальных инструментов для обдумывания и познания всего, что может быть познано, строгим, глубоким образом, в рамках этого конкретного социального целого, то есть социальной формации, соответствующей совокупности её структур и практик. В этом смысле можно говорить о теории как эквиваленте науки, и именно так её и следует понимать.

Идеология, с другой стороны, содержит элементы ненаучного характера, которые способствуют оживлению деятельности и его мотивации, исходя из обстоятельств, которые, хотя и связаны с существующими социальными условиями, не вытекают из них в строгом смысле; действие не определяется механически тем, что в своё время называли объективным, и даже не базисом. Первостепенными компонентами идеологии являются: идеи, представления, модели поведения, анализ и чувствительность. К области идеологии также относятся выражение мотиваций, предложения целей, устремлений, идеальных ориентиров, утопии, надежды, ненависть и желания.

Строгий анализ конкретной ситуации – это, таким образом, теоретический анализ, который должен быть максимально научным. Теория уточняет и определяет условия политического действия.

Безусловно, существует тесная связь между теорией и идеологией, поскольку идеологические предложения сливаются с выводами теоретических анализов, опираются на них и используют их в качестве инструментов. Идеология тем эффективнее как двигатель политического действия, чем прочнее она опирается на теоретические выводы.

Теоретическая работа всегда опирается на то, что происходит в исторической реальности. Однако это работа, которая полностью находится в области мышления: нет понятий, которые были бы более реальны, чем другие, так же как идеология реальна не меньше, чем производительные силы.

Поэтому стоит отметить некоторые вещи, которые будут рассмотрены далее.

Во-первых, различие между существующей реальностью, реальными историческими процессами – с одной стороны, и процессами мышления, направленными на познание и понимание реальности, – с другой. В связи с этим можно сказать, что процесс мышления представляет собой иную реальность, которая выполняет определённые функции. Научное, теоретическое производство имеет свой специфический характер и должно рассматриваться точно и без путаницы. Оно включает в себя усилие по познанию, использование инструментов, которые предоставляет каждая эпоха, с целью максимально возможной научной строгости в обращении с объектом. Научный «инструментарий», который предстоит использовать, не исключает творческих прорывов и возможных разрывов в преемственности, насколько бы эпизодическими они ни были в истории знания. Именно с определённого уровня знания, в любом случае, становится возможным создание нового знания, которое повлияет на используемое старое знание.

Но вернёмся к вопросу политической теории, который нас сейчас интересует. Теоретическая работа в этой области всегда ведётся на основе определённого сырого материала. Однако следует подчеркнуть, что она исходит из информации, данных и представлений по определённому вопросу. В процессе теоретической работы этот первичный материал обрабатывается с помощью определённых концептуальных инструментов, определённых инструментов мышления. Продуктом этой обработки, этой работы является знание.

В более точных терминах можно сказать, что существуют только единичные объекты: определённые исторические ситуации в определённых обществах, в определённые моменты времени. Теоретическое познание имеет своей целью, своим предназначением – познать эти единичности в максимально возможной степени. В процессе производства знания, следовательно, сырой материал (поверхностное восприятие) преобразуется в продукт (строгое, научное знание). Многие продукты становятся инструментами, которые уже не относятся к единичному; это теперь общие понятия, как, например, понятие класса.

Я хочу сказать этим, что процесс познания социальной реальности в целом поддаётся бесконечному теоретическому углублению, поскольку само знание бесконечно. Таким образом, нельзя ожидать «законченного» знания социальной реальности в целом, чтобы начать действовать чтобы ее преобразовать. Нельзя также пытаться преобразовывать её, не зная её должным образом.

Социализм, идея и устремление к иному обществу, к установлению справедливых и солидарных социальных отношений, «мечты» о равенстве и свободе – это элементы, принадлежащие к области идеологии. Идеология, какой бы она ни была, присуща человеческому состоянию, этому социальному человеку; не существует человека без идеологии, для него нет юрского парка [устойчивое выражение, то есть *нельзя жить в каком-то доисторическом, «первобытном» состоянии, как в парке юрского периода. Идеология – это часть человеческого бытия.*]. Устремления, «мечты», ненависть, желания, любовь – все они, часто сосуществующие с богами, всегда были внутри человека. Ясно, что эти понятия, взятые из разных эпох, даже отдалённо не выражают всех этих чувств.

Не существует субъекта в себе, универсального, изобретения нашего времени; субъекты совершенно различны в разные моменты. Субъект как продукт истории –

дителя своего времени. Для нас сегодня представляет интерес субъект и идеология в этой структуре господства, называемой капитализмом.

Именно в этом контексте различения теории и идеологии можно говорить – и мы действительно говорим – об идеологической уверенности и о «философском невежестве», как говорил Малатеста. «Невежество» в том смысле, что знание бесконечно, что не освобождает нас от попыток познать нашу эпоху в максимально возможной степени, чтобы наша политическая и социальная деятельность не осуществлялась растерянно.

Не существует научного социализма. Никакой социальный закон не приведёт нас необходимо к этому возвышенному устремлению. Не будет также возможно познать общие законы общественной жизни на таком уровне, чтобы можно было предсказывать с полной уверенностью события, грядущее, специфический характер того или иного будущего.

История дала нам некоторые уроки, и один из них заключается в том, что участие в событиях имеет фундаментальное значение, что борьба порождает новые возможности. Именно такого рода уроки, наряду со всем теоретическим развитием, которое может осуществить организация, позволят сделать шаги в направлении социализма, который сам по себе никогда не наступит.

11. Идеология и политическое действие

ФК – Вы считаете, что идеология, наряду с теорией, является фундаментальным элементом политического действия? Применительно к разным обществам, можно ли говорить о существовании только одной идеологии?

ХКМ – Идеология является фундаментальным элементом политического действия; она всегда присутствует в том или ином виде и существует одновременно с действием. Это сфера первостепенного порядка социальной реальности, и её нельзя рассматривать как простое отражение других сфер. В некоторых случаях именно она «определяет» события, в которых, без сомнения, участвует широкий спектр элементов, таких как экономические и военно-юридические.

Маркс определял идеологию как зеркало в своей экономистской схеме базиса и надстройки. Это далеко не так; идеология представляет собой сферу с относительной автономией, действует в постоянном взаимодействии и обладает огромным весом. Более того, исследователи этой темы приписывают ей собственное время развития и трансформации, разрывая, таким образом, с однородным понятием времени, которое подразумевается в большинстве социальных исследований.

Можно изменить экономику и в то же время очень мало изменить идеологию и даже продолжать воспроизводить большую часть прежних представлений. СССР и Куба эмпирически подтверждают это свойство идеологии. Некоторые утверждают с достаточными основаниями, что идеология, или большая её часть, имеет тенденцию сохраняться, даже если материальные условия, породившие её, исчезли.

Также весьма важно наблюдать за функционированием идеологии в конкретных социальных формациях, поскольку нередко общее понятие связывается исключительно с пролетариатом, то есть с классом, который в абстрактно-формальном плане противостоит господствующему классу. В конкретном обществе, какой бы ни была рамка господства капиталистической системы, можно заметить, что многие вещи не находятся в чистом состоянии, а довольно «смешаны». В любом случае, первоначально принимать за основу идеологию, развитую среди рабочих в истории, и ценности, оставленные в качестве наследия в плане устремлений к новому обществу, основанному на иных принципах.

12. Идеология и ценности трудящихся

Изменения, произошедшие в обществе, в сфере труда, породили совокупность новых и разрозненных социальных практик. Создалось множество «замкнутых или полузамкнутых пузырей» с отсутствием или слабой связью между собой. Однако то, что я хочу здесь подчеркнуть, – это идеологическая проблема, порождённая этим.

В другой исторический момент, на пути иного этапа развития и иной конфигурации капиталистической системы, с некоторой силой производилась совокупность идей, представлений, понятий и чувств в воображаемом мире трудящихся. Капиталистическая система и буржуазия были очевидными врагами, поскольку их интересы были прямо противоположны целям рабочего класса. Рабочие, сосредоточенные на крупных фабриках, создавали организационные формы для завоевания улучшений и за это подвергались многочисленным и жестоким репрессиям.

Значительная часть воображаемого мира этих рабочих начала заполняться определёнными убеждениями: в этой капиталистической системе для них нет места; искать справедливости в ней – химера. Фронтальная борьба, жестокие условия жизни и групповая солидарность пробуждали мечты, связанные с социальным освобождением. Идеологические элементы, противостоящие системе, вдохновляли непосредственную текущую борьбу и мечты о будущем. Крупные фабрики и профсоюзы позволяли рабочим встречаться и укреплять чувство силы и принадлежности к чему-то отличному от существующей системы; это скрытое чувство, смешанное с другими ингредиентами, могло быть целостно организовано.

Если верно, что можно организовать только то, что действительно существует, то в таких социальных обстоятельствах можно было организовать – и действительно организовали, как в первичных формах, так и с определённым развитием – антагонистическую идеологию, враждебную капиталистической системе и стремящуюся к совершенно иному социальному устройству.

Очевидно, что не абстрактные и интеллектуальные дискурсы породили эту идеологию, а условия повседневной жизни и практики, борьба и солидарность трудящихся плечом к плечу. В этом процессе теория сыграла свою роль: она организовала этот мир идей и чувств, весьма «плюралистичный» и имеющий несколько мощных антагонистических факторов.

В этот исторический период происходило производство таких ценностей, как солидарность, взаимопомощь, представление о мире, отличном от существующего, видение угнетателя и эксплуататора как непримиримых врагов. Людские тела, дисциплинированные для регулярного и методичного труда, переосмысливали это условие, порождая гордость быть рабочим, производить общественные блага, считать свою задачу первостепенной для достижения благосостояния общества, мыслить всю перестройку на основе необходимого производства товаров и услуг. Однако эта перспектива не продвигалась узко и отражалась на свободном времени, необходи-

мом для «наслаждения жизнью»; именно так боролись за сокращение рабочего дня. Идея не работать больше необходимого также была частью этого идеологического горизонта.

Умерли ли эти идеи и ценности вместе с этапом капитализма, существовавшим примерно три десятилетия назад? [имеется ввиду промышленный капитализм, сменившийся неолиберализмом в 1980е] Были ли эти идеологические элементы изгнаны или погребены фрагментацией общества? Могу сказать, изначально, что нет. Многие серьёзные исследования показывают, что идеология [здесь читай «ценности»] не имеет того же темпа изменений, что и другие социальные структуры. Она обладает, как я упоминал ранее, особенностью сохраняться, даже если условия, давшие ей существование, исчезли. Если это правда, то значительная часть этого исторического наследия всё ещё жива, возможно, даже более глубоко укоренена, чем когда-либо. Идеология находилась бы, таким образом, в народном воображении, которое так же материально, как и любая другая материя.

Где именно она находится? В каком состоянии она находится? Эти вопросы, и ясно, что можно было бы задать и другие, – вот что важно сегодня. Добавлю ещё один: Можно ли её реконструировать с помощью интеллектуальных или чисто теоретических дискурсов? Ничто не указывает на это. В каких рамках сегодня находится эта идеология, необходимая для разрыва? В каких других местах может производиться нечто подобное или связанное с ней?

Здесь нам пришлось бы совместить Малатесту и Башляра. Первый говорил, что мы всегда находимся в состоянии философского невежества, что позволяет нам пользоваться критическим мышлением и знать, что уверенность не должна быть абсолютной. Второй сказал бы нам, что уже прогресс – правильно поставить проблему, даже если мы не можем далеко продвинуться в её решении. В этом и суть; мы хотим лишь поставить проблему для размышления. Мы не считаем, что сегодня можем продвинуться намного дальше этого, но, в любом случае, проблема поставлена.

Но почему мы хотим говорить о вещах, о которых так мало знаем? Ответ таков. У нас есть убеждение, что без антагонистической идеологии и соответствующих ценностей нет возможности преодолеть эту грязную систему; сегодня без таких элементов мы не можем даже достичь важных завоеваний для тех, кто внизу. На нашем континенте существуют различные идеологические выражения, которые должны быть изучены; без учёта их специфических кодов, общение политической организации с ними может оказаться сеянием в пустыне.

Существуют коренные народы, которые не могут быть сведены в объяснительном плане к категории «крестьянин», определяемой только через экономические критерии. Существует угнетение в общинах разных этносов, чернокожих, женщин, «маргинализированных», которые лишены самых основ. В этих и других универсумах нельзя создать классическую пролетарскую идеологию, поскольку это означало бы оторвать субъекта от того, что он переживает ежедневно, а также от того, как он это переживает. Добавим ещё некоторые соображения по этому поводу.

13. Социальные пузыри, порождённые фрагментацией

Регулярные и конкретные социальные условия, с которыми группа должна сталкиваться в каждый момент, порождают специфические модели поведения. Они развивают идеологические элементы, имеющие значительную важность для людей, которые социализируются с детства в определённых «пузырях». Разница в этой ситуации – это, по сути, неравенство. Чудовищно неравное распределение материальных и символических благ [то есть образование, престиж, связи и так далее].

Есть те, кто утверждает, что так «*в индивиду или группе воспроизводится структура социального мира, в котором протекает их существование*». Социальные модели поведения схожи для всех, кто находится в определённом пузыре. Таким образом, фрагментированный, раздробленный угнетённый класс не производит одно и то же в идеологическом плане в каждом из своих пузырей.

Существует, следовательно, в этой текучей и атомизированной социальной ситуации, классовые фракции, которые имеют отдалённое отношение к идеологии труда, или вообще ничего. С одной стороны, это те, кто полностью оторван от прямого рабочего опыта, потому что у них просто нет таких условий. С другой – те, кто находится почти на противоположном полюсе и питается символическим материалом, который всё больше пронизан идеями, укрепляющими существующий порядок, и у них тоже нет путей, чтобы встроиться в мир трудящихся.

Необходимо проверить, как разорвать это или даже как проникнуть в различные пузыри, которые не воспроизводят господствующую идеологию. Речь идёт, практически, о том, чтобы спросить: Как мы можем объединить специфические практики каждой классовой фракции с историческим наследием и рациональными дискурсами [продуманными идеями, анализом и так далее] для получения идеологии конфронтации и разрыва?

Когда мы говорим о построении идеологии сопротивления, мы имеем в виду не интеллектуальную разработку, а живую социальную динамику, по отношению к которой мы вносим вклад нашим осознанным намерением и учитывая её механизмы и её реальную сферу возможного взаимопроникновения.

Попытка понять этот сложный феномен принадлежит к сфере теории, производство которой является задачей политической организации, не осуществляемой в рутине, в повторении схем или чистых абстракциях. Абстракции обладают большой ценностью в своей специфической области и, если их правильно учитывать, могут направлять понимание конкретных исторических феноменов, локализованных в единичных временах и местах.

Если хорошо проработать, эта тема приобретает особую важность в стратегической концепции фронта угнетённых классов и народной власти.

14. Политически организованный анархизм – это решающий фактор

ФК – Какие позиции должны отстаивать анархисты в народных движениях? Как специфическая организация может действовать в них как катализатор, придавая им определённые черты и связывая различные движения для усиления их социальной силы?

ХКМ – Для ответа на этот вопрос я использую материалы FAU, адаптируя и обобщая их.

Проблема власти, которая является решающей для глубокого социального преобразования, может быть решена только на политическом уровне, через политическую борьбу. А она требует специфической формы организации – революционной политической организации, в нашем случае – либертарной.

Только через её действие, укоренённое в массах, в различных народных процессах, возможно разрушение буржуазного государственного аппарата и всей совокупности микровластей, которые его поддерживают и воссоздают.

Необходимо, чтобы эта структура была заменена механизмами народной власти, которые имеют политическую перспективу и опираются на сильный народ.

Стоит добавить, пусть кратко, ещё несколько соображений о власти. Исследования, которые выглядят вполне строгими, указывают на некоторые фундаментальные моменты: власть циркулирует по всему социальному телу, по различным структурированным сферам – то есть по всем социальным отношениям. Таким образом, власть существует в экономической, политико-юридическо-военной сферах, в идеологико-культурной; власть есть на всех уровнях общества. *На малом уровне власть важна ещё и потому, что там формируются зародыши новой цивилизации – через различные формы самоорганизации и самоуправления. На большом же уровне власть выступает в концентрированном виде и с большей силой воздействия – в крупных институтах и структурах.*

Очень важно учитывать, что существует повседневный социальный мир малых масштабов, который является фабрикой производства новых идей, сопротивлений и техник народной власти. В этом мире анархистской политической организации предстоит большая работа.

В реальности формы власти – и государство как особая инстанция – находятся на определённом уровне современной социальной структуры. Хотя они, очевидно, имеют взаимозависимые отношения с другими уровнями социальной реальности – экономическим, идеологическим, юридическим и так далее, – они не могут быть просто сведены к ним. В конкретном плане это означает, что политическая деятельность не может быть сведена к экономической борьбе, ни к профсоюзной и народной

практике в целом, хотя такая практика может содержать – и действительно содержит – «политические» элементы.

Экономическая борьба, борьба за конкретные требования и народная борьба сами по себе спонтанно не перерастают в борьбу против политической власти как таковой. Она также не порождает организационные и технические средства для борьбы за власть и не даёт способности прервать воспроизводящиеся социальные отношения. Поэтому стихийность, спонтанные массовые мобилизации – отражение накопления нерешённых проблем, которые вскоре «взрываются», – если их правильно не направить и не использовать, вряд ли выйдут на политический уровень в смысле изменения властных отношений, открытия пространств для нового процесса глубоких преобразований.

Это происходит потому, что крушение власти – которое буржуазия не может допустить, поскольку от этого зависит её существование, – предполагает создание иного социального порядка, иной «модели» организации – с иной экономикой, иной идеологией, – а кроме того, неизбежную борьбу, процесс постоянной народной борьбы и технические средства, которые массовое движение само по себе, стихийно, не может успешно развить. Это также не его специфическая задача. Принимая во внимание широкий исторический период и даже нашу эпоху, урок, который мы усвоили, заключается в том, что великие стихийные «массовые» движения очень богаты опытом, который они развивают, но эти движения не обязательно обладают стратегией, направленной на преобразование системы. Это происходит даже в случае массовых движений, которые строят определённый уровень народной власти, производят некоторые новые социальные практики и новые идеологические представления.

При текущем уровне развития системы единственное, что гарантирует победу, – это разрушение буржуазного аппарата власти, всей его структуры господства, в которой государство играет первостепенную роль – некоторые называют это конденсацией власти, другие – её кристаллизацией. Это предполагает более или менее продолжительное политико-революционное действие, с обновлённой стратегией и тактикой, адаптированной к ситуативным изменениям. Отрицать это значит отказываться от всяких революционных преобразований, поскольку только они являются реальными и глубокими преобразованиями, способными изменить систему господства в том виде, в каком она существует.

Справедливо говорится, что идеологически фундаментально – продемонстрировать народу перспективу победы, путь надежды, уверенности в возможности глубоких и революционных преобразований. Эта «демонстрация» является функцией политической организации; в нашем случае – организованного анархизма. Политическая организация продвигает во всех своих действиях иной идеологический уровень, иной уровень сознания, чем тот, который порождается стихийной практикой масс, насыщенных идеями, ценностями и представлениями, которые система продвигает через свои мощные средства и через дисциплинирование, осуществляемое различными механизмами. Речь идёт о построении уровня, позволяющего преодолеть этот тип спонтанности.

Для этого необходимо развивать специфически политическую деятельность, которая является единственным способом направить к победе бунт и те новые формы самоорганизации, которые рождаются в народной борьбе. Поэтому политическая ор-

ганизация необходима. В текущей ситуации, здесь и сейчас, она обладает определёнными характеристиками, вытекающими из стратегических особенностей, которые налагает ситуация. В любом случае, эта политическая организация должна быть носителем – как внутри, так и вовне – ценностей, которые она считает первостепенными для установления новых социальных отношений.

15. Когда новая форма ведения политики – лишь риторика

Утверждать новую форму ведения политики или строительства народной власти не означает принимать риторическую и вычурную фразеологию, ни украшать старые и повторяющиеся дискурсы, которые в конечном счёте вновь приводят к тому же самому. Есть интересная поговорка: *«Медленно, потому что я спешу»*. Ибо спешка неоднократно приводила в тупики или к ещё более глубокой кооптации тех, кто внизу, и тех, кто хочет их представлять, в эту жестокую и насильственную систему.

Наш проект с революционными целями включает сегодня, как и вчера, последовательный выбор путей. В отношении теоретических инструментов, которые должны использоваться, нет догм. Любой строгий продукт, позволяющий более точно читать реальность, должен приниматься во внимание с той открытостью, которая позволяет нам жить в наше время, зная все изменения, которые оно принесло и продолжает приносить.

В конечном счёте, мы должны иметь такое прочтение реальности, которое позволило бы нам ясно видеть реальные проблемы нашей эпохи. В то же время мы должны обладать твёрдостью и непримиримостью, чтобы противостоять всему, что производит и поддерживает нынешняя система, с сердцем и настойчивостью, устремлёнными в будущее, которое должно строиться каждый день в различных сферах активистской деятельности.

Этот процесс должен осуществляться без элитизма и авангардизма, которые представляют собой два способа иерархизации практик и внедрения – даже бессознательно – ценностей, не принадлежащих к угнетённым. Он должен содержать новые ценности, чтобы не быть путаным или негативным. В противном случае мы не разрушали бы идеологически эти иерархические ценности, столь связанные с господством и покорностью, а укрепляли бы чуждые историческому субъекту структуры.

Политическая организация, как мы её понимаем, не является синонимом авангарда или «просвещённой» элиты, без которой бедный «невежественный народ» не может выбраться из капиталистического лабиринта. Политическая организация является фундаментальной частью построения этого выхода, но исходя из других ценностей, других идеологических и этических практик, другого понимания социальных проблем. Эффективная организация не является синонимом иерархии. Политическая организация всегда должна находиться внутри народной жизни и борьбы, и быть их частью вместе с народом, сосуществуя с его уровнем сознания и стремясь внести вклад в его развитие и положительное изменение. Это должно происходить из чувства принадлежности к этому народу, на равных, а не с «высот» знания.

Само провозглашающие себя авангарды – с классической концепцией, что они являются носителями будущего и приносят его в недра народа как новшество, – сегодня заслуживают быть упразднёнными в силу своего исторического приговора. Идеология не приходит извне, а производится в самих недрах практик, идей и моделей поведения, которые народ развивает в своих противостояниях. Производство новой социально-политической технологии и соответствующих освобождению «дискурсов знания» не может происходить без противостояния с теми, кто производит господство. Эти дискурсы должны способствовать противостоянию и питаться от всех организаций сопротивления, в которых народ является главным действующим лицом борьбы. В связи с этим политическая организация также находится в постоянном переобучении.

В завершение обратимся к синтезу. Для нас политическая практика – это любая деятельность, объектом которой являются отношения эксплуатируемых и угнетённых с органами политической власти, государством, правительством и их различными проявлениями. Политическая практика – это противостояние правительству, проявлениям навязанной власти, защита и расширение общественных и индивидуальных свобод, способность выдвигать предложения, соответствующие общему интересу населения или его частным аспектам. Политическая практика – это также восстание как момент насильственного оспаривания ситуации, которую мы хотим изменить. Политические практики – это предложения, которые, опираясь на народные требования, противостоят органам господствующей власти, предлагают решения общих и конкретных проблем и заставляют органы власти принимать их и делать действительными для всего общества.

Примером этого являются протестные движения, расширяющие народные права. Очевидно, что эти завоевания, достигнутые на основе социальной силы, могут быть сохранены и расширены только при наличии соответствующей социальной силы.

Говорят, что «власть существует в действии», и то же самое можно сказать о революции. Она не является потенциальной возможностью, не возникает по определённому заклинанию и не является изолированным актом. *Она требует практик, которые изменяют, рвут с прошлым и нарушают преемственность – в экономике, идеологии, политико-правовой сфере и культуре в целом.*

Всё это реализуется в борьбе с активным народным участием, главную роль в котором играет народ, частью которого мы являемся и который составляет широкий спектр угнетённых и эксплуатируемых, называемых нами на данном историческом этапе совокупностью угнетённых классов.

Это народ, который в условиях происходящих структурных изменений переживает значительную фрагментацию, которую необходимо преодолеть через солидарные связи, создающие узы. Единство его борьбы должно стать первостепенной основой для формирования социальной силы, способной вести эффективную борьбу и качественно продвигаться вперёд. Это не предполагает никакого «градуализма», линейности или захвата вражеских позиций одну за другой. Это нечто иное.

Знать среду, в которой действуешь, быть в неё встроенным, иметь политическую цель в этой повседневной деятельности, иметь предложения, созвучные тому, чего хотят и в чём нуждаются люди, устанавливать приоритеты – всё это элементы, позволяющие развивать такую политическую организацию, как наша. Существует

инструментарий нашей идеологии, который должен применяться в конкретных обстоятельствах: прямое действие, прямая демократия, самоуправление, федеративные формы организации и так далее.

Ваш вопрос затрагивает вопрос социальной силы, а также то, как мы могли бы определить работу, которую мы выполняем как политическая организация в недрах народных движений. Это хорошие вопросы, которые я не буду отбрасывать. Отдаляясь от всякого элитизма, как я уже говорил ранее, наша задача – это задача маленького мотора, который работает внутри народа и находится в постоянном движении. Социальная сила, как мне кажется, – это понятие большой важности. Полагаю, это тесно связано со следующим вопросом, и поэтому в следующем ответе я что-то скажу об этом.

16. Вопрос класса. Выбор приоритетных направлений

ФК – Я хотел бы затронуть вопрос класса. Мы придерживаемся мнения, согласно которому анархисты должны действовать в тех слоях населения, которые больше всего страдают от капитализма. Поэтому, в отличие от ортодоксальных авторитаристов, которые отдают приоритет одному типу пролетариата – городскому и промышленному, – мы предлагаем действовать не только среди этого пролетариата, но и учитывать другие субъекты: рабочих других секторов экономики, крестьян, прекаризованных всех видов – «люмпенов» в классическом определении, – а также коренные народы. Как вы видите этот вопрос: «где сеять наши семена»? Означает ли это, что в приоритете должны быть все социальные движения с этими субъектами, а также сами профсоюзы?

ХКМ – Наши силы как развивающейся политической организации, несомненно, налагают на нас ограничения. Охватить всё социальное поле – что, без сомнения, было бы замечательно, если бы мы могли, – невозможно, пока у нас не будет для этого достаточно сил. Поэтому выбор приоритетных направлений на основе предварительного анализа и в соответствии со стратегией имеет первостепенное значение.

Можно сказать кратко, что на разных уровнях, в зависимости от социальных формаций, существуют значимые для населения аспекты: зарплаты, условия труда, жильё, здравоохранение, права человека, выживание, проблемы районов, крайняя бедность, образование и другие. Но вполне вероятно, что из трёх или четырёх фундаментальных элементов установленной стратегии следует начинать с тех, которые имеют больше конкретных возможностей в данный момент.

Мы всегда должны быть внимательны, чтобы это не гипертрофировало политический проект и чтобы в своей динамике это не превратилось в тормоз, позволяя нам таким образом действовать и на других фронтах, которые мы считаем необходимыми. Это то, что политическая организация регулирует в своих организационных органах, вырабатывая стиль анализа и обсуждения, который позволяет этому происходить естественно.

То есть одни приоритеты определяются текущей ситуацией, а другие заложены в самой стратегии. Это разные ситуации, которые часто пересекаются и не обязательно должны противоречить друг другу или порождать приоритеты, которые впоследствии могут стать расходящимися. *Чтобы политическая организация могла действовать в народной среде, ей нужна такая гибкость, которая не означала бы потери последовательности ее политической линии.* Следует подчеркнуть, что существует еще и внутреннее измерение этого строительства, касающееся самой

организации: создание необходимых механизмов для различных сфер деятельности, а также оценка сил и опыта, которых у нас нет, чтобы их приобрести.

Существует ряд «концепций», таких как «люмпен», которые имеют происхождение в редукционистских представлениях, пытающихся всё объяснить исходя из экономической структуры и той роли, которую, априори, ожидают от рабочего движения, прежде всего в промышленно развитых странах. Такой подход был очень распространён в определённые исторические периоды, но сегодня можно сказать, что это парадигма при строгом рассмотрении не выдерживает критики. В этом смысле существует своего рода вера в существование универсального субъекта в себе, а также в элементы прогресса. Это концептуальная структура со своими «методами», которая исключает и даже дисквалифицирует, причём не слишком элегантно, всё, что не вписывается в её схему.

Полагаю, будет интересно обратиться к материалу FAU, посвящённому этой теме, который впоследствии был более полно развит в совместной работе.

17. Субъект изменений должен быть создан

«Субъект также является продуктом длительной истории», – говорят нам исследователи. Поэтому необходимо запускать практики, которые могли бы его производить и организовывать. Практики системы, дополненные практиками, унаследованными от других жестоких систем прошлого, были направлены на создание индивидуально-коллективного субъекта, максимально адаптированного к существующему порядку и ценностям, которые его поддерживают. Не вызывает сомнений, что значительным является тот факт, что это удалось укоренить как в них, так и в нас.

Таким образом, другой исторический субъект не возникнет из ниоткуда, не появится по мановению волшебной палочки; он должен стать результатом практик, которые приводят к укоренению иных представлений, противостоящих господствующему порядку. Эффективное участие, самоуправление, прямое действие, действительно демократические федеративные формы функционирования, солидарность и взаимопомощь нуждаются в механизмах, организациях и регулярных практиках для своего развития; они постоянно нуждаются в организации.

Непрерывность, необходимая для развёртывания, допускающего изменения, требует устойчивой стратегической деятельности. Последовательной стратегии, которая позволяет не разрушать то, что было построено в определённый момент. Стратегии, которая содержит в себе иной мир и может быть продвинута в недрах того, что ей антагонистично. Известное «все средства хороши» может быть эффективным способом гарантировать, что не будет развита никакая антагонистическая стратегия, несущая элементы, разрушительные для существующей системы. Поэтому общая ориентация, установленная стратегия и соответствующая ей тактика имеют фундаментальное значение. Эта стратегия должна пронизывать все практики, как на социальном, так и на политическом уровне, с очевидным уважением к специфике каждой сферы деятельности.

Это не означает защиты «всё или ничего» и даже «сеять в пустыне». Мы должны как можно точнее определить отправную точку – специфический характер всей совокупности социальных отношений, которые формируют и поддерживают систему, и каждое конкретное историческое общество, в котором мы намерены действовать. Мы должны исходить из этой жестокой и суровой социальной реальности, а не разрабатывать решения в ходе независимых мыслительных процессов, без связи с функционированием конкретных социальных процессов.

Место, которое люди занимают в совокупности структуры господства, играет фундаментальную роль в производстве определённого субъекта. То, что люди переживают каждый день и как они переживают, обуславливает определённый взгляд в различных социальных группах. Речь не идёт о чём-то статичном; существуют такие

факторы, как сопротивление, включение других идей и представлений, которые порождают или могут породить определённые «короткие замыкания». Мы должны заставить эти факторы работать на нас.

18. На нынешнем этапе системы: угнетённые классы как революционный «субъект»

Вы спросили меня, как мы видим классовую структуру в этот исторический момент. *Общая абстрактно-формальная схема, которая определяет классы как буржуазию и пролетариат – и которые, безусловно, существуют на этом уровне обобщения, – уже давно перестала быть работоспособной, когда анализ спускается до уровня конкретных обществ.* Это подозрение присутствует между строк многих документов исторического анархизма. Можно сказать, что даже на этом уровне анализа буржуазия сложнее, чем это представляется; существуют классовые фракции, определённые слои, связанные с ними, и даже политические и идеологические влияния на их формирование. То же самое касается классического пролетариата. Однако нас как политическую организацию в теоретическом плане интересуют работоспособные аспекты, которые служат для «здесь и сейчас».

Этот вопрос был поставлен на конгрессе FAU в 1986 году и на публичном акте того же года. Но только на XI Конгрессе FAU мы решили предпринять более полный подход к вопросу социальных классов на данном этапе капитализма. Эта тема осталась открытой; предлагалось продолжить работу над созданием гипотезы, первоначального наброска, который углубил бы понятие класса на данном этапе капитализма.

Мы обсуждали необходимость переформулировать понятие класса в соответствии с произошедшими изменениями, избегая продолжения определения, установленного в предыдущий период – период «фордистского расцвета» и «государства всеобщего благосостояния». В целом мы сочли, что исключительно экономическое основание недостаточно для определения классов. Была указана, грубо говоря, необходимость учитывать то, как сегодня выражается сложная и взаимосвязанная совокупность отношений господства в общественных отношениях. Это важно и имеет решающие последствия для способа установления работоспособной стратегии и стратегии разрыва в нынешних обстоятельствах.

В документе подчёркивается: *«Мы считаем первостепенной необходимость народной победы – как результата длительного процесса борьбы, имеющей революционную направленность».* И продолжается:

«Ясно, что в отсталых и зависимых капиталистических странах, как в случае с латиноамериканскими странами – с их особой экономической и классовой структурой, более затронутой и ослабленной, чем в другие периоды, – нельзя думать о возможности революционного процесса, главными действующими лицами которого были бы исключительно отдельные группы фабричного пролетариата или даже вся совокупность наёмных работников. Прежде всего потому, что в этот исторический момент на

нашем континенте существуют огромные массы безработных, исключённых, сверхэксплуатируемых и частично занятых, и статистика говорит нам, что более половины жителей находятся в бедности, за чертой бедности или в нищете».

Необходимо думать о построении фронта угнетённых классов, который, как базовый стратегический инструмент, стремился бы иметь в качестве центрального ядра рабочий класс или его часть, но включал бы также, на равных правах, сельских работников, крестьян, большое разнообразие самозанятых работников – сектор, постепенно увеличивающийся в связи с кризисом и ответами системы на технологические изменения, – маргинализированных, требующих работы, студентов и различные новые формы народного самоуправления.

Мы считаем, что в принципе следует включать требования прав различных слоев населения, таких как чернокожее движение, индейское, феминистское и другие, касающиеся прав человека, и рассматривать, особенно и с особой точки зрения, вопрос экологии. Однако нельзя не учитывать рабочий класс, особенно его антагонистические системе ценности. В глобальном плане «субъект» находился бы, таким образом, в этой совокупности угнетённых классов.

Как утверждает документ: *«Фронт угнетённых классов, о котором идёт речь, представляет собой сеть устойчивых связей между множеством низовых организаций. Эти связи строятся на основе общей программы. Низовые организации способны выражать насущные интересы своих социальных групп в борьбе, развивать и углублять эти интересы, превращая их в преобразующие цели и ориентиры. В результате эти организации становятся реальной социальной силой, с которой нельзя не считаться».*

В работе организации это выражается в разнообразии вопросов: борьба за жильё, против выселений, за сохранение рабочих мест, поддержка борьбы трудящихся за землю, за крышу над головой, защита завоеваний и прав человека, здравоохранения и образования, социального обеспечения, молодёжи, самоуправленческих инициатив, этнических и так далее. Организационные формы, которые могут охватить столь разнообразный процесс активистской работы, – это обширная тема, и существует определённый консенсус в отношении её основных аспектов.

Как я уже говорил, осуществить предварительное определение классов – которое не основывается на экономическом редукционизме, но включает соответствующие политические и, особенно, идеологические факторы, – не означает отказываться от определения приоритетов, устанавливаемых в соответствии с текущей ситуацией, нашими оценками и нашими силами.

19. Фрагментация и новая бедность

ФК – Можно ли сказать в этом смысле, что так называемая неолиберальная модель породила больше социальных групп в результате своего воздействия на общество?

ХКМ – Да, неолиберальная модель породила свою собственную социальную реальность через те последствия, которые она вызвала в общественных отношениях, тесно связанных с миром бедности, с миром тех, кто внизу. Я даже думаю, что с помощью внедрения специальных техник и механизмов власти, они пытались приучить народ к новой дисциплине, которая привела к тому, что погружённые в бедность приняли модели поведения, в конечном счёте смилившие их и встроившие в эту жалкую социальную реальность.

Далее я снова обращаюсь к материалам FAU.

Этот заголовок, «Фрагментация и новая бедность», является частью заметок, сделанных на конгрессе FAU, состоявшемся примерно в 1998 году. Несмотря на изменения в нынешней ситуации, ряд тем, затронутых в этих рассуждениях, представляется весьма интересным. В этом документе, отражающем новое положение, поставлены вопросы и высказано предположение, что определённые динамики могут развиваться более широко и что мы должны приложить усилия, чтобы осознать это.

Нынешняя мировая ситуация и все её экономические, политические и социальные последствия, которые сегодня оказывают влияние на нашу Латинскую Америку и мир в целом, не отменяют соображений того конгресса. Мы не знаем точно, каковы будут масштабы так называемого кризиса, и всё указывает на то, что для бедных мира – в эту группу теперь входит высокий процент трудящихся из высокоиндустриализированных стран, – ситуация ухудшится.

Я приведу эти заметки, поскольку считаю, что они полезны для понимания ситуаций и процессов, которые происходят в настоящее время. Это не законченный материал, а просто некоторые первоначальные наброски, которые мы попытались систематизировать, чтобы поразмышлять над вопросами, обсуждаемыми уже давно.

«Этот этап капитализма достиг беспрецедентной глобализации и способствовал проведению неолиберальной политики на большей части планеты. Международные организации действуют с подавляющей последовательностью и добиваются продвижения ещё более индивидуалистической культуры в разных частях света.

Все эти фундаментальные механизмы, работающие слаженно и с общего согласия в интересах узкой группы сильных мира сего, одновременно производят эффект фрагментации народа. Фрагментируются мир труда, солидарные связи, социальная жизнь, само положение бедных.

Наряду с этим происходит исключение масс, избыточного населения, а также жестокая и бесчеловечная борьба за выживание среди тех, кто находится в том, что

можно было бы назвать «новой бедностью». Эта «новая бедность» состоит из людей без надежды, для которых перспектива работы даже не маячит на горизонте. Для них жизненно необходимо добыть хлеб насущный любой ценой. Даже столь разрекламированное потребление менее значимых вещей для этих людей полностью недоступно. Те, кто принадлежит к этой «новой бедности», видят в тех, у кого много, кое-что, мало или очень мало, источник для получения того, в чём они нуждаются.

Эта «новая бедность» на самом деле является «новой нищетой», ибо она масштабнее, чем в любой другой период истории. Принимая во внимание произошедшее развитие, то, чего не хватает этим людям, также больше, чем когда-либо. Эти «нищие», «отверженные» [в оригинале используется одно слово «miseráveis» – соединяющем слова «нищие», относящиеся больше к городским маргиналам и крестьянам, «отверженные», больше относящееся к коренным народам, чернокожим, квир-людям; также далее] – как новые персонажи, вышедшие со страниц Виктора Гюго, – вынуждены созерцать богатство, коррупцию, роскошь и всё, что предлагает общество потребления, не имея доступа ни к чему или почти ни к чему. Очевидна даже разница с теми, кто имеет гарантию ежедневной работы, кто ест каждый день и может растить своих детей, обеспечивая их самым необходимым.

Не приведет ли всё это к росту ненависти, к чувству унижения и презрения? Не будет ли слово «справедливость» считаться в самых разных контекстах гротескным обманом?

В разных местах говорят о новом явлении, которое пока описывают лишь отрывочно и поверхностно. Не происходит ли сейчас в среде новой бедности и новой нищеты необъявленная война – против богатых и власть имущих, а также друг против друга, когда одни бедные считают других ещё более «низшими»?

Эта проблематика указывает на то, что существуют слои народа, для которых идеология трудящихся не является ориентиром и которые производят иную идеологию. Это может быть случаем тех, кто полностью маргинализирован, и крестьян, живущих в полнейшей нищете, а также крестьян-индейцев, с той разницей, что последние включают в своё мировоззрение элементы, происходящие из многовековых культур. Каковы были бы связующие эффекты идеологии трудящихся в этом мире?

Не связана ли так называемая «гражданская безопасность» [seguridad ciudadana], поддерживаемая средствами массовой информации и утверждающая, что каждый «нищий» является общим врагом, с большей частью того, о чём мы говорим? Разве не пытаются – и не добиваются этого – осуществить молчаливый союз полиции, системы с теми, кто что-то имеет, даже если это «что-то» – всего лишь надёжная и хорошо оплачиваемая работа? Не играем ли мы, пусть даже тонко, на руку системе, которая для своего выживания и воспроизводства на данном этапе ведёт борьбу против «нищих»? Эта новая ситуация порождает множество размышлений.

Мир полон тюрем, и они продолжают открываться в разных местах. Будет больше заключённых, и «новая бедность» усилит свою связь с этим миром. Значительная часть «новой бедности» будет ли ещё более подготовлена к этой войне?

В нашей Латинской Америке более половины населения живёт в бедности. Эта ситуация при существующей структуре не должна улучшиться, а ухудшиться в ближайшие годы. Это показывают даже официальные цифры. Кроме того, во многих местах про-

исходит усиление чередования работы и голода, чтобы не допустить людей в мир «нищеты» и вражды.

По всему континенту поднимаются восстания – иногда ещё смутные, неоформленные – в которых люди выражают своё недовольство и отчаяние от жизни в нищете и на обочине общества. Их зачинщиками становятся крестьяне, безработные и коренные народы. Мобилизации такого рода можно наблюдать в Аргентине, Бразилии, Перу, Эквадоре, Мексике, Боливии. В Боливии как раз было создано движение вокруг вопроса воды – мобилизующего элемента, отнюдь не ортодоксального. И это всеобщее движение беднейших, произошла в самой бедной стране континента. Возможно, вектор бунта, использующего насилие для перемен, исходит от тех, кто является наиболее угнетённым.

«Нищие», их борьба и это чувство переоценки прав человека и определённых ценностей, возможно, являются центральными осями этого момента. На идеологическом уровне, как мы заявляем в нашей общей стратегии, мы подтверждаем ценности труда, идеологию, которую мир труда породил и порождает в условиях угнетения и эксплуатации. Она служит ориентиром для активистской работы. Это не означает, что она уже присутствует в широких слоях народного движения, ни даже того, что когда некоторые из её элементов существуют, они ясны.

В то же время, чтобы правильно понимать эти мощные явления и действовать в соответствии с ними, движение должно быть готово не только организационно, но и идейно и морально – обладать определённым внутренним настроем и ясностью. То есть оно должно обладать пониманием и некоторыми представлениями, которые выходят за рамки их взгляда; определёнными уровнями коллективного опыта.

Возвращаясь к теме фрагментации, следует добавить, что её легко можно увидеть в политических и социальных институтах. Её также можно увидеть в менее институциональных сферах, часто связанных с разнообразным и «безобидным» культурным предложением, которое продвигается самой системой или которое эта система позволяет развивать. Похоже, существует общая тенденция во многих кругах наблюдать или интересоваться лишь частными аспектами вещей. К этому порочному раздроблению, которое выгодно системе, добавляется ещё и корпоративизм [коллективный эгоизм, когда каждая группа действует только в своих узких интересах]. У нас создаётся впечатление, что некоторые практики, помимо культурного влияния среды, обусловлены неверным пониманием, с идеологическими искажениями, приводящими к ошибкам, даже если они опираются на серьезные исследования и глубокие размышления. Эти искажения, среди прочего, приводят к гипертрофированию специфического и приданию частным вопросам почти самодостаточного характера.

Верно, что часть этого является законной реакцией на пустые универсалии и глобальности, не основанные на конкретных элементах, которые их предположительно составляют, и породившие множество несостоятельных догм и «научных» теорий. Но нельзя думать об эффективности частных элементов, которые столь часто устанавливаются, чаще всего с самыми благими намерениями, альтернативистами, техниками и им подобными, когда мы сталкиваемся с системой господства и эксплуатации, с глобальным репрессивным аппаратом, с повсеместной неолиберальной моделью, с всепроникающим идеологическим аппаратом. Эти частные специфичности, понимаемые

таким образом, напоминают идеологию старого Бискайи: «Сиди в своей норе». Иногда они также служат для спасения совести от чистилища.

Приближаясь к сказанному выше, похоже, возросли черты самого дикого индивидуализма, причем гнев и конфликты теперь направлены не столько против тех, кто наверху, сколько друг против друга, между равными.

Наряду с новыми явлениями, идеологический аппарат системы, к которому присоединяется глубокий либеральный реформизм называющий себя «левым», поддерживает определённые «запреты» («нельзя») или допускает лишь то, что укладывается в рамки того, что считается «приличным» или «новым», но в том смысле, который сама система недавно произвела и признала допустимым. Всё в пределах периметра, который не включает «нищих» или конфронтаторов. У некоторых людей это вызывает уныние, растерянность, разочарование, отчаяние – и в итоге желание уйти в себя и заняться только своими личными проблемами.

Очевидно, что эти и другие факторы влияют на солидарные и коллективные ценности, на перспективы завтрашнего дня, на усилия ради того, чего сегодня нет, и стимулируют индивидуализм, корпоративизм, неуважение к другим, краткосрочные планы. Не ведут ли они к тому, что люди начинают молчаливо играть на руку системе?

Существует идеологический поток, заливающий обширное поле, часто не дающий нам даже правильно мыслить. Как говорится, нужно «отделять зёрна от плевел», и хотя это не простая задача, она необходима».

20. Общая стратегия

ФК – Я знаю, что вы были довольно активно вовлечены в обсуждение вопроса народной власти. Не могли бы вы объяснить мне, что для вас означает народная власть и почему эта стратегия важна для народного движения? Полагаю, что в Уругвае, как и в Бразилии, разные другие силы также используют понятие народной власти, но каждая подразумевает под ним нечто своё: одни – со стратегиями, близкими к нашим, другие – с авангардистскими или диаметрально противоположными подходами. Как защищать народную власть и отличать наше предложение от авторитарных? Не могли бы вы объяснить вашу концепцию народной власти в рамках стратегии и программы?

ХКМ – Чтобы ответить на этот вопрос, я снова воспользуюсь документами FAU.

Чтобы подойти к понятию народной власти, необходимо прежде, чем входить в тему, сделать несколько общих замечаний, основанных на материалах, разработанных организацией в 1970 году. Я внесу небольшие корректировки там, где это необходимо, поскольку мне кажется, что изложенные положения достаточно ясны, чтобы обогатить любую дискуссию. Итак.

«Деятельность политической организации предполагает прогноз возможного развития событий на более или менее длительный период времени, который включает в себя линию действий, которую организация должна принять перед лицом событий, чтобы влиять на них наиболее эффективным и адекватным образом.

Эти прогнозы называются стратегической линией. Обычно стратегическая линия действует до тех пор, пока сохраняется общая ситуация, которой она соответствует. Например: стратегия затяжной борьбы, создания условий и развития действий вооружённой борьбы в рамках процесса социально-экономической деградации, с её прогнозируемым следствием – ужесточением борьбы.

Естественно, если общая ситуация претерпевает очень значительные изменения, они изменяют условия, в которых организации придётся действовать; организация, если она хочет действовать эффективно, должна пересмотреть свою стратегию, чтобы адаптировать её к новой ситуации.

Следует отметить, что это не подразумевает изменения преследуемых целей, конечных задач или идеологических принципов. Стратегия касается более скромного, хотя и решающего плана, который связан с оперативной деятельностью организации, с её политической практикой.

Этот аспект важен, поскольку часто находятся те, кто склонен превращать в «принципы» вопросы, которые являются и могут быть только стратегическими формулировками, действительными в меру своей адекватности и эффективности для действия в данной ситуации. Эти формулировки могут стать опасными, если превратятся в догмы с претензией на универсальную применимость и полезность.

Из-за этих произвольных и догматических расширений сферы действия стратегического опыта возникали бесконечные дискуссии вокруг того, что можно было бы назвать «ложными проблемами». [...] В некоторых случаях такие позиции в течение многих лет служили поводом для дискуссий, в которых различные «аргументы» повторялись и досконально разбирались. И по мере того как эти дискуссии продолжались, вырабатывались жёсткие позиции, и им придавалась такая значимость, которой они не заслуживали. Вопрос стратегии превращался в вопрос принципа. В результате упускалось из виду, что единственным адекватным методом решения этих вопросов является анализ конкретной ситуации – экономической, социальной, политической, – в которой приходится действовать. Ситуация, социальная реальность – которая складывается динамически, через сменяющие друг друга ситуации, – является единственным «судьёй», способным разрешить эти споры.

Однако стратегия даёт лишь общие линии на определенный период. Именно тактика придаёт им плоть в конкретной, актуальной реальности и воплощает их в фактах. Тактические варианты, поскольку они касаются более точных, конкретных и непосредственных проблем, могут быть более разнообразными и гибкими. Однако они не могут противоречить стратегии.

Адекватная стратегико-тактическая концепция должна учитывать, как уже было сказано, реальную ситуацию и предполагаемый период её реализации. Но этого недостаточно; фактов, практики, «чистого» опыта недостаточно. Более того: «чистого» опыта не существует. Любая организация, действующая политически, приходит к стратегико-тактической концепции, исходя из определённых предпосылок, явных или неявных, которые являются идеологическими, теоретическими.

Не существует аполитичной, идеологически нейтральной стратегии. Нельзя вывести её из предположительно «объективного» анализа, аскетичного в идеологическом плане. Те, кто верит в возможность такого анализа, в определение без идеологической ориентации, почти всегда ограничиваются принятием в качестве максимального уровня «политического» развития того, что может быть выведено из стихийного развития. Идеология подменяется концепциями, исходящими из «здравого смысла», который всегда неизбежно пронизан «обычными» идеями и верой, распространяемыми господствующими социальными группами. Единственный способ преодолеть эти «обычные» идеи и веры – противопоставить им органично структурированную и максимально широкую совокупность позиций, идеологию. Идеология составляет ключевой мотор политического действия и является неизбежным компонентом любой стратегии. Всякая политическая практика подразумевает определённые мотивы и смысл, которые становятся ясно различимыми только по мере того, как они понятно формулируются и организуются в идеологию.

Здесь мы должны сделать несколько замечаний. Весьма распространённым было механическое перенесение схем из других реалий, которые функционируют как своего рода замена реального целого, той действительной социальной реальности, которая стоит перед нами. Долгое время – и многие продолжают это делать – стратегические и тактические линии разрабатывались не на основе тщательного анализа нашей реальности, а на основе того, что сказал «такой-то» или «такой-то», часто применительно к ситуациям, происходившим в других отдалённых и иных регионах. [...]

В Латинской Америке такой способ действия, по «готовым» моделям, был причиной огромного ущерба. Даже простое производство информации – которое должно было осуществляться путём строгой описательной работы над местными или региональными условиями и обстоятельствами – сталкивалось с большими препятствиями. В этой ситуации «копирование», механическое перенесение «рецептов», доказавших свою эффективность на чужом опыте [...] становится быстрой и привлекательно «лёгкой» инициативой.

Упорное повторение этих позиций, особенно со стороны некоторых слоёв образованной мелкой буржуазии, породило – по причине реакции, которая, хотя и объяснима, ошибочна – недооценку идеологических элементов, считающихся частью «теории», от которой можно было бы отказаться. Преодоление этой недооценки является актуальной задачей. Мы должны исходить из этих аспектов и продвигаться по пути познания и наиболее эффективной теоретической разработки как всё более прочной основы уже определённой стратегико-тактической линии».

21. Понятие «стратегии в узком смысле». Почему?

В ходе обсуждений на конгрессах мы пришли к выводу, что понятия общей стратегии и тактики оставляют своего рода пустоту между ними. Существовали вопросы, которые не соответствовали ни общей стратегии, ни тактике. Понятие стратегии в узком смысле возникает как временное определение этого «промежуточного» понятия.

Мы разместили это понятие между общей стратегией и тактикой. Мы приписали ему функцию общего замысла, на уровне, где мы уже ближе подходим к реальному социально-политическому действию. Понятие «стратегии в узком смысле» включает в себя уже определенные общие линии, по различным областям, но при этом еще и служит инструментом, позволяющим сильнее приблизиться к социальной реальности. Это означает, что мы не будем действовать в этой реальности прагматически или только эмпирически, но и не будем действовать, исходя из ограниченного тактического измерения.

С другой стороны, стратегия в узком смысле питает программу работы на период, исходя из текущих ситуативных ориентиров.

22. О программе

Мы помещаем программу *«специфически и конкретно в поле социальных практик. В поле, где происходит социальное напряжение и борьба»*. Программа обобщает оценку этапа, на котором находится та или иная анализируемая система, и, исходя из существующего пространства для действий, разрабатывает возможности работы. Программа включает *«ориентацию всей нашей деятельности на определенный период»*.

Речь идёт о том, чтобы не делать то, что подвернётся, не оценивать изолированно каждое возникающее явление и не падать духом, если прогресс не виден сразу. Речь идёт о том, чтобы ставить цели и продвигаться к ним. Выбирать действия и устанавливать приоритеты в соответствии с этими целями. Это, очевидно, означает, что будут виды деятельности, которыми мы не будем заниматься, и события, в которых мы не будем участвовать. Они могут быть важными и даже эффектными, но их следует отбросить, если они не вписываются в цели нашего этапа, предусмотренные программой. В других случаях мы будем в абсолютном меньшинстве или столкнёмся с большими сложностями, но в деятельности, соответствующей нашим целям. Выбирать то, что нам больше нравится, или то, что создаёт меньше проблем, – неверная политика. Например, в различной борьбе, опытах, требованиях улучшений или защите завоеваний, которые мобилизуют население, мы должны участвовать. Очевидно, мы отдаем приоритет тем из них, которые являются наиболее боевыми и стремятся достичь наиболее созвучную нам социальную цель.

Однако просто присутствовать недостаточно; нужно присутствовать с «намерением». В связи с большими изменениями, происходящими в социальной ситуации, целесообразно устанавливать краткосрочные программы, которые не противоречат тому, что запланировано на среднесрочную перспективу, и тем более долгосрочным центральным целям. Также важно устанавливать сроки, поскольку невозможно оценить эффективность работы через несколько месяцев или даже через год после её начала. Есть задачи, которые требуют времени, чтобы принести плоды. То, что делается только в узкой краткосрочной перспективе, точно, в конечном счёте даёт мало или вообще не даёт результатов. Социально-политическое накопление опыта, сил, влияния, организованности и так далее – это сложная задача, зависящая от нескольких факторов. Во времени сочетаются успехи и ошибки, исправления и повторения.

В отношении определённой культуры, которая распространяется, можно сказать, что творчество не означает постоянной смены проекта, а «изобретение» и обновление в рамках определённых целей и методических, регулярных задач. Одно дело – творчество, другое – нестабильность. Проект на определённое время требует настойчивости, регулярности и стабильности. Вопрос регулярности следует подчеркнуть, потому что именно повседневная работа остаётся; преемственность установленной

стратегии, в которой различные задачи в конечном счёте сходятся. Выполнение только точечных и эпизодических действий и задач никуда не ведёт.

23. Можно ли сейчас думать о времени для нашей программы?

Программа должна постоянно оценивать наши силы, учитывая наш активистский потенциал. Распределение усилий должно происходить в зависимости от этого потенциала; все установленные цели должны быть связаны с этим потенциалом. Программа включает в себя не только координацию внешней работы, но должна охватывать и внутреннюю работу. Время и деятельность в этих двух планах, внутри и наружу, должны быть согласованы систематически. Пренебрежение задачами в любом из этих планов приводит к особенно опасной гипертрофии. Следует заботиться о том, чтобы вся совокупность деятельности функционировала последовательно.

«Сосудом», вмещающим плоды активистской работы, является анархистская организация, и она не может быть отодвинута на второй план. Она объединяет усилия и придаёт непрерывность и смысл действию. Она является сосудом, вмещающим цель преобразования, стимулирует рост боевого и преобразующего сознания в населении и сама претерпевает изменения, выполняя эту задачу. Если наши силы и наше внешнее присутствие растут, мы должны одновременно иметь специфическую организацию с силой, соответствующей нашему влиянию в общественных отношениях.

Организационные формы, способные охватить столь разнообразный процесс активистской работы, сложны и требуют оценки наших сил в рамках стратегии и принятого проекта; проекта, который может быть краткосрочным или среднесрочным.

24. Этап сопротивления

Социальные, политические и идеологические условия, по-видимому, указывают на то, что мы находимся не на революционном этапе и даже не на этапе боевого накопления. Глубинные преобразования в краткосрочной и среднесрочной перспективе не маячат на горизонте. Это утверждение важно не для абстрактно-теоретического обсуждения, а для того, чтобы направлять нашу сегодняшнюю практику. В этой теоретической и практической перспективе можно сказать, что сегодня мы находимся на этапе сопротивления. Устанавливая эту общую линию, мы не перестаём учитывать вооружённую борьбу легендарной колумбийской партизанской борьбы, ни творческое и энергичное сапатистское движение с его ясными и новаторскими революционными предложениями.

В одном из наших документов говорилось следующее:

«Таким образом, наша задача на этом этапе – сопротивление. Чтобы укреплять борьбу, поднимать дух, восстанавливать веру в собственные силы, думать о справедливом завтра, создавать коллективную альтернативу, бороться с индивидуализмом и пораженчеством, возрождать солидарность, порождать новые революционные возможности».

Мы должны работать над тем, чтобы вся совокупность практик последовательно вписывалась в установленный план. То есть не должны сосуществовать по инерции прошлого социальные и политические практики, созвучные другому моменту истории общества, и практики, соответствующие этому историческому моменту. Это различие может порождать путаницу и влиять на социальную среду. Хотя мы разделяем одну и ту же революционную конечную цель, это не означает, что мы должны повторять одни и те же стратегии; мы не можем импортировать модели, использовавшиеся в предыдущих уникальных ситуациях.

25. Почему стратегия народной власти? И какая власть?

Теперь я должен ответить, почему стратегия народной власти важна для народных движений. В действительности эта стратегия важна как для народных движений, так и для анархистской политической организации.

Наше либертарное видение власти исходит из теоретических и политических концепций, которые с такой ясностью, даже предвидя будущее, были разработаны Бакуниным. Без разрушения капиталистического государства, без действия и участия народа он не видел возможности разрыва и создания новой цивилизации – так многие активисты того времени называли новый мир, который стремились построить. Бакунин говорил примерно следующее:

«Очевидно, что только тогда человечество получит свободу, и только тогда истинные интересы общества всех групп, всех местных организаций а также и всех отдельных лиц, его составляющих, получают полное осуществление, когда государство не будет более существовать. [...]

Только после этого оно может и должно устроиться по-иному: но только произойти это должно не сверху вниз, и не по воображаемому плану, начертанному несколькими мудрецами и учеными, и не в силу декретов, изданных каким-нибудь диктатором или даже национальным собранием, избранным посредством всеобщей подачи голосов. Реформа сверху вниз, как я уже не раз повторял, неизбежно привела бы к созданию нового государства, и, следовательно, к образованию новой правящей аристократии, то есть целого класса людей, не имеющих ничего общего с народной массой и, конечно, этот класс опять бы начал эксплуатировать и поработать массы под предлогом общего счастья и спасения государства». [Парижская коммуна и понятие о государственности]

«И в самом деле, что видим мы в продолжение всей истории? Государство было всегда принадлежностью какого-нибудь привилегированного класса» [Письма о патриотизме, Письмо четвёртое]

26. Начиная сейчас, но изменяя практики и логику

Верно, что переход к иному обществу должен начинаться внутри этой системы. Но опыт указывает нам, что есть средства, ориентиры, инструменты, институты и формы организации, которые должны быть оставлены, если мы хотим сформировать социальные силы, *которые действительно изменяют саму суть и структуру общества*. Это необходимая альтернатива, если мы хотим построить иное общество, целью которого является изменение всей совокупности общественных отношений в данном обществе.

Социализм и движения, которые обещали покончить с капитализмом, оставили нам долгую историю попыток пойти коротким путём – в основном через государство. Всё это делалось во имя реализма, то есть необходимости прагматично смотреть на процесс преобразований, выбирать такие пути, которые, как утверждалось, могли бы примирить в нашу пользу устремления к революционным преобразованиям с сохранением механизмов воспроизводства старой системы.

Нам говорили, что можно находиться внутри тех же самых властных цепей – *которые были созданы исторически, чтобы сделать господство более эффективным* – и, используя их, пытаться проводить политику, которая постепенно подорвала бы этот самый главный канал власти – хотя мы сами оказались бы внутри него и каждый день испытывали бы на себе его влияние. С логической точки зрения это довольно наивная идея.

Что показывает история, как и строгие теоретические работы, так это то, что эти механизмы власти вбирают в себя всё, что попадает в их орбиту, и превращают это в свой рабочий инструмент. Столь же очевидно, что, оставаясь в рамках логики системы, невозможно помыслить нечто ей противоположное.

Вся эта институциональная совокупность, все эти механизмы не пусты; более того, они полны. Полны постоянной деятельностью, направленной на то, чтобы поддерживать, воспроизводить и воссоздавать этот общественный порядок. *Выбирать эти дороги, эти площадки, эти коридоры – у которых есть хозяин и которые навязывают свой отпечаток всему, что в них попадает, – совершенно точно не выглядит разумной стратегией*.

«Оно [общество] [...] должно устроиться по-иному», – говорит Бакунин в ранее цитированном материале. Следует подчеркнуть, что существует комплекс видов деятельности, которые можно и нужно осуществлять уже сейчас, в недрах капиталистических обществ. *Речь идёт о социальной и политической работе, которая даёт людям опыт участия и учит их сообща решать свои проблемы*. Эта деятельность порождает представления и опыт, повышающие сознательность и уверенность в собственных силах.

Чем больше народное участие развито на этапе, предшествующем фундаментальным преобразованиям, тем больше возможностей для форм организации, продвигающих к подлинному социализму.

Но мы не должны забывать одну важную вещь, которая подтверждается опытом: разрушение системы открывает новые возможности, порождает такие сочетания сил и обстоятельств, которые не существовали ранее. Поэтому нельзя оценивать границы возможного, исходя лишь из того, что мы видим сегодня на горизонте. Перед лицом некоторых изменений должны возникнуть возможности, которые ранее нельзя было даже вообразить. *В ходе процесса разрыва возникают такие моменты, когда старые порядки и институты перестают работать, и открывается совершенно новая ситуация.* Это не магические «скачки», но они связаны с тем, что им предшествует. Однако следует подчеркнуть, что эти возможные ситуации не должны застать нас врасплох в плане политической организации; мы должны быть технически готовы к таким событиям, если они произойдут.

27. Народная власть и разрыв

Обеспечение жизнеспособности установления народной власти, в соответствии с нашим определением и с нашей либертарной перспективы, подразумевает в стратегическом плане определённое понимание революционного разрыва. Это определение составляет одно из фундаментальных ядер стратегических дебатов левых сил в Латинской Америке сегодня, поскольку существуют предложения, которые не направлены на расширение прав и возможностей народа, а стремятся к его поддержке и направляют его боевую энергию и стремление к переменам в классические каналы, то есть в институты самой системы господства.

Автономия этого процесса народной власти зависит как от того, каким путём может пойти революционный процесс, так и от конкретных характеристик методов по противостоянию системе. *Мы видим эту задачу как реальное наращивание народной силы – через создание собственных организационных структур, новых форм объединения, независимых институтов и механизмов, которые позволят совершить революционный разрыв снизу.*

Не вызывает сомнений, и сама история показывает, что возможности социалистического строительства укрепляются по мере роста народного участия и ослабевают, если бунты и восстания устраиваются исключительно для смены тех, кто контролирует структуры господства.

Мы понимаем, что всё сказанное выше – это скорее общий ориентир, но он необходим, чтобы задать чёткое направление для нашей практической работы. Другой важный вопрос: как конкретно реализовывать эту идею народной власти в нашей повседневной социальной и политической работе, с учётом специфики каждой страны Латинской Америки сегодня?

28. Главенство тех, кто внизу, и их власть

Здесь мы понимаем власть как способность что-то создавать, делать, реализовывать – а не как силу подавления и принуждения. В данном конкретном случае – как способность народа отстаивать свои интересы и строить такие формы организации, которые опираются на другие принципы и ценности – не на те, что существуют сейчас, – и которые по-настоящему гарантируют солидарность, свободу и справедливость.

Такое понимание власти – даже если речь идёт об очень сложных обществах с высокими технологиями – никогда не сводится к правительству. Приведу несколько примеров, чтобы эта идея стала яснее. Народная власть реализуется в контроле над средствами производства товаров (заводы, поля, шахты и так далее), над средствами массовой информации (газеты, радио, телеканалы, информация в целом), над услугами (транспорт, энергия, медицина, связь и так далее), над механизмами принятия решений (исследования, научная работа) и соответствующими средствами на политическом уровне, над «юридическими» инструментами, которые будут установлены коллективно, над идеологическими структурами, планами образования, различными культурными проявлениями. Этот контроль принадлежит коллективу народа, установленному органами и институтами, которые были развиты в борьбе и в момент принятия власти. И это будет зависеть от слаженного взаимодействия между частями «сверху» и «снизу», о которых говорит Бакунин, без авторитаризма или иерархии.

Безусловно, это не конец истории и что идеологическая борьба – или даже другие виды борьбы – прекратятся. Останется ещё много призраков прошлого – та власть, которая пронизывает каждую клетку общества и может вновь порождать старые ценности и институты. К тому же на этом первом этапе глубоких перемен все связи и структуры будут ослаблены и изношены.

Сложная природа власти обязывает принимать столь же сложные стратегические линии. Против стратегии установленной власти, направленной на её увековечение, должна быть выдвинута стратегия угнетённых классов, направленная на построение народной власти, которая обеспечит лучшее и более справедливое функционирование всего общества. Чтобы народная власть стала реальностью, нужно готовить организации угнетённых классов, предназначенные ее осуществить, и укреплять эти организации четко определяя их роль. Это необходимо, потому что строить народную власть – это не значит просто захватить рычаги власти социальной и политической силой угнетенных, а потом сразу же, на следующий день после разрыва, начать удовлетворять всю совокупность общественных потребностей.

В конечном счёте речь не просто о том, чтобы отобрать глобально централизованную власть у нынешних господ. Речь о том, чтобы перестроить саму власть: децентрализовать её, передать народным органам, превратить в нечто принципиально иное. Чтобы она стала основой новой политической и социальной структуры

Народная власть – это когда рабочие и сам народ, через свои собственные, подконтрольные им органы, демократические и основанные на участии, берут на себя те функции управления и заботы об обществе, которые раньше выполняло государство. Поэтому стратегия народной власти должна исходить из одного главного условия: создания этих народных органов. Это ключевая политическая задача, которая должна быть приоритетом уже сегодня. Именно от неё зависит, будет ли будущее революционным и социалистическим или нет. Поэтому борьба с капиталистическим и авторитарным порядком, а также строительство подлинной народной власти происходят каждый день – тем способом, которым постоянно направляется и осуществляется политическая и социальная работа.

Мы должны, следовательно, создавать или воссоздавать, укреплять и объединять организации трудящихся и народа, всего множества угнетённых, и защищать их главенство как способ постепенно возвращать единственно возможный социализм. Социализм, основанный на свободе, в котором все технические и научные достижения, известные нам сегодня, были бы поставлены на службу более адекватного общественного порядка, приносящего пользу всем людям, народу в целом.

29. Уроки капитализма и дело тех, кто внизу

Последнее столетие капитализма и борьбы народов, в особенности, оставило много материала для размышлений и изучения. Оно научило нас, что система обладает огромной способностью развиваться, обходить свои трудности и переваривать свою внутреннюю борьбу. *Мы также усвоили, что любые «отклонения» – бунты, восстания, попытки сопротивления – не приводят систему к глубокому кризису. Более того, они могут даже оживлять её, помогать ей совершенствоваться и менять формы своей власти – вплоть до имперского уровня.*

Всё указывает на то, что такая система не саморазрушается и что мы не можем ожидать, что её внутренние процессы облегчат нам жизнь; эти процессы не создают элементов, ускоряющих приход социализма. *Сама логика его выживания направлена против тех основ, на которых можно построить общество с другими социальными отношениями – общество, которое мы называем социалистическим.* Народная власть, о которой мы говорим, либертарна и социалистична.

Устройства, механизмы, институты, привычки, поведения, идеи, наводняющие социальную жизнь, сам способ подхода к производству товаров и услуг, их отношение к природе – всё это должно быть перевёрнуто с ног на голову, чтобы сделать возможной иную форму общественной жизни. Этот социальный мир не производит ничего полезного для тех, кто внизу. Старые идеи о возрастающем прогрессе по мере капиталистического развития были похоронены историей вместе с рядом других парадигм.

Мы используем понятие «те, кто внизу» или «народ» в очень точном смысле. Оно не имеет ничего общего с понятием «гражданское общество», которое не делает различий между классами и классовыми фракциями, существующими в нём, которое исключает структуры господствующей власти, циркулирующие в нём и также поддерживающие систему, которое уравнивает различные интересы, одновременно скрывая и маскируя жестокую реальность.

30. Наша политическая обязанность уже сегодня

Исходя из той модели общества, которую мы хотим построить, наша работа – и сейчас, и в переходный период – должна строиться на двух взаимосвязанных и неразделимых осях: это строительство народной власти и специфически политической организации.

Относительно первой, как я уже сказал, всякий акт прямой демократии, участия, всякая новая самоуправляющаяся организация вносит вклад в это строительство. Но одновременно важно усвоить урок истории о том, что невозможно прийти к обществу социализма и свободы без мощной политической организации, укоренённой в реальности своего времени. Сложность, окружающая процесс преобразования, требует высокого уровня понимания социальных механизмов.

Это обязывает идти с конечным проектом и с гибкостью, позволяющей иметь возможность действовать в различных обстоятельствах. Ставить и решать проблемы, планировать периоды действий, быть внимательным к изменениям, оценивать собственные силы, силы врага и союзников в конкретных вопросах. Развивать способность к анализу, позволяющую предвидеть события, чтобы действовать с большей эффективностью. Работать над техническим и политическим развитием, позволяющим оказывать соответствующее воздействие.

31. Социализм требует иного пути, иного производства социального

Я кратко коснусь нескольких претенциозных тем. Итак, каков путь сегодня? Можно задать этот вопрос, и он правильный.

Похоже, что исторический опыт последних полувека указывает на одну отправную точку: не участвовать в ядре системы с намерением её преобразовать. *Нельзя использовать инструменты, которые воспроизводят старую систему, для построения чего-то принципиально нового. Нужно стратегически искать те места, где система слабее всего – где её контроль не абсолютен, есть бреши, и действовать там, как «вирус»: проникать, закрепляться, усиливать те реакции и сопротивления, которые сама система порождает в тех зонах, которые она не полностью контролирует.*

Можно справедливо спросить: что это означает на практике? Краткий и предварительный ответ приближает нас к болезненной теме, которую я затрону лишь вкратце.

Система не только воспроизводит свои фундаментальные отношения. Основываясь на господстве, эксплуатации, погоне за максимальной прибылью, бесчеловечной конкуренции, чудовищном индивидуализме, рынке как своём великом боге, постоянном физическом или психологическом подавлении угнетённых, на богатстве и власти, сосредоточенных в руках господствующего класса, на «культурной» индустрии, транслирующей определённые ценности, – эта система одновременно, пусть и непреднамеренно, порождает иной мир, иную ситуацию.

Огромное количество людей лишены доступа к самым необходимым благам и услугам. Большинство человечества катится в нищету и всё больше отбрасывается на обочину. Этот мир, включающий тех, кто лишён всего (нищета), почти всего (бедность) или имеет крайне ограниченный доступ к тому, к чему стремится (низший средний класс), сегодня составляет около 80% населения мира.

В этом мире происходят различные культурные изменения. Механизмы выживания, оригинальные формы взаимопомощи, опыт работы с переходными формами занятости. В таких условиях повседневного существования возникают новые техники, новые способы мышления и чувства, а также многие модели поведения, которые нежелательны и с которыми борется система. Это мир, который не верит в определённые дискурсы, институты, социальные и политические практики, и в котором существуют разные уровни изменений в представлениях о справедливости и правах – изменения, которые отдаляются от устоявшихся взглядов.

Таким образом, формируется иной исторический субъект – как в индивидуальном, так и в коллективном плане. Этот процесс включает упомянутую активистскую работу, хотя есть и другие, более интенсивные и масштабные, на которые мы должны не только обращать внимание, но и, по возможности, учитывать в наших анализах.

Бывают моменты, когда сгущаются многие социальные проблемы, и возникают ответы и социальные движения разных сил и значений. Это моменты прямого действия, которые делают возможным боевое социальное развитие и политику, созвучную нашим идеям. То, насколько мы выйдем из этих ситуаций сильнее, зависит от того, как мы в них действуем. В нашей Латинской Америке полно примеров народных восстаний, которые пробивают бреши в системе. Эти бреши можно либо удержать и расширить, либо система снова их закроет.

32. Гибкость пути

Скорость процессов не может определяться только нашей волей. Поэтому мы говорим о необходимости новой формы ведения политики, о построении сильного народа, о взаимодействии этих двух сущностей в едином последовательном поле.

Также важно, чтобы стратегия на разных её уровнях и тактика находились в отношениях взаимного влияния. Тактика должна существовать внутри стратегии, а стратегия реализуется через тактику. Хотя это разные области, они должны быть постоянно связаны. Стратегия определяет общие рамки, руководства к действию, фундаментальные координаты; тактика должна маневрировать в зависимости от изменчивости конкретного исторического действия. Но это маневрирование должно происходить в определённых рамках и с определённым содержанием – иначе никакой проект преобразования не будет реализован. Стратегия и тактика охватывают разные практики, и их нельзя считать одинаковыми или игнорировать их особенности, области, которые каждая из них охватывает и в которых она работает наиболее эффективно.

Если заменять тактику принципами – без необходимых промежуточных звеньев, – то речь становится просто красивой декларацией. У неё может быть даже приятный этический тон, но это точно не то, чего мы добиваемся.

Построение «сильного народа» в этом смысле требует определённой регулярной социальной работы и политической организации, которая взаимодействует с ней, делает это своим «ремеслом». Издалека это может показаться очень сложной сетью. Однако это не так, когда мы имеем с ней дело, когда мы используем её и сочетаем ежедневно с разными событиями. В этом процессе рождаются адекватные для работы элементы, и из них выходит искусный мастер для революционных действий. Безусловно, для этого лень должна быть полностью оставлена.

Мне кажется уместным уточнить, что я буду использовать понятие «социальное» для описания таких видов деятельности, как профсоюзы, кооперативы, работа с жителями, связанная с борьбой за конкретные требования людей, правозащитная деятельность, движения коренных народов, крестьян, общие и конкретные вопросы за узкие требования или борьба за немедленные улучшения, такие как здравоохранение, жильё и так далее.

Я буду использовать понятие «политическая организация» для обозначения органа, связывающего всё воедино, которая стремится обеспечить преемственность стратегии, теоретическую разработку [анализа реальности], развитие технических органов, общие линии в той или иной ситуации, поиск эффективных методов в противостояниях, общий взгляд на мелкие конфликты, изучение стратегии врага в каждый момент, постоянное обучение тому, что связано с народной борьбой, осуществление полезных для борьбы союзов. Которая стремится предложить такой

способ устройства общества – прямо сейчас, для всех людей, – в котором изменения идут постоянно, без остановки.

Вся эта работа должна вестись с ясным пониманием того, что государство в текущей форме – это политический аппарат классового врага. У него есть мощные репрессивные возможности и целая система институтов, которые создают «извращенную иллюзию» демократии: выборы, парламенты и так далее. Но при этом власть господствующего класса не ограничивается государством – она пронизывает всё тело общества.

Таким образом, Социальная работа и политическая деятельность – это два направления, которые идут одновременно и тесно связаны друг с другом. Но у каждого из них своя специфика и своя относительная самостоятельность. Поэтому мы выступаем за то, чтобы вести оба направления одновременно, в рамках единого проекта: строить и либертарную политическую организацию, и работать во всех сферах социальной жизни. Мы за построение народной власти – эту позицию FAU заявила ещё в своих документах 1960-х годов.

Однако должен сказать, что фундаментальные аспекты этой концепции были сформулированы вместе с самой либертарной концепцией социализма: стремление к социальной революции, понимание государства как классового врага, борьба за общество, основанного на солидарности, в противовес жестокому капиталистическому эгоизму, отказ от использования механизмов системы, такие как выборы, парламенты, государственные должности, борьба против кооптации профсоюзов...

Именно эти идеи и социальные и политические практики установили общее направление, позволяющее освободиться от смертельных объятий системы, от её липких и обманчивых сетей, которые в некоторые моменты были столь привлекательны для многих. Мы говорили тогда: *«не залезать во вражеское стойло»*.

33. Верх и низ как однородные поля. Разрушение старого

Революционный процесс должен осуществляться снизу вверх, как говорил Бакунин, а не наоборот, как почти всегда происходило. Он не должен включать иерархию, а должен включать общественные организованные структуры, созданные самим народом, снизу вверх, теми самими, кто страдает от последствий системы, кто сопротивляется, творит и ищет организационные формы для защиты.

Это требует, чтобы активисты создавали культуру для предложенного процесса социального преобразования. Это также требует некоторых изменений, укоренения проекта, изменения в «стиле» и активистском поведении. Потому что, как сказал бы один метис, *«из картошки трудно сделать тыквенное варенье»*.

Задача разрушения старого, замены его, разбора его по кирпичикам – это ежедневная, а не узкая и разовая задача. Мы вносим вклад в формирование определённой ситуации, и наши возможности использовать её будут зависеть от того, что мы сделали раньше.

Эта каждодневная работа должна вестись в гуще народной жизни, во взаимосвязи с тем, что волнует людей и что им нужно прямо сейчас. И везде должно быть место для реального участия народа. Мы не должны работать в одиночку и не должны быть в стороне от народных настроений. Иначе мы просто начнём злиться на народ.

Придерживаться этой идеи не означает слепо следовать привычкам, навязанным веками строительства субъекта, созданного для определённой системы, но означает ежедневную деятельность, борьбу за разрушение этих привычек в самом народе и как его часть. Это означает атаку на структуры, имеющие свою генеалогию, свои разветвления и находящиеся на разных «территориях» системы.

Это задача, которую нужно выполнять на вражеской территории, связанная с множеством разных сопротивлений и борьбы, большинство из которых ведутся ради конкретных требований, требуют улучшений, изменения того, что существует сегодня.

Но, как хорошо говорил наш теоретик Малатеста, важно не просто добиться улучшений. Важно то, как мы их добиваемся – с каким настроением и с каким пониманием смысла происходящего. Он также говорил, что борьба за мелкие улучшения, то есть за реформы, не делает человека реформистом. Главное, чтобы то, что мы строим как народную власть, имело направление – социализм. Без этого ориентира никакого освобождения не будет.

Строя народную власть, мы можем добиваться улучшений и при этом не следовать магическим установкам вроде «чем хуже, тем лучше» или «всё равно всё одинаково». Такие установки игнорируют специфику разных ситуаций. Хотя все они существуют в рамках капиталистического мира, у каждой есть свои особенности, которые создают

определённые пространства для действий, и их нужно использовать. Например, жить при капиталистической диктатуре и при классической буржуазной демократии – это не одно и то же. Не давая моральной оценки, можно сказать, что в обоих случаях есть пространства для действий, но с разным набором возможностей.

34. Транснациональные корпорации, неолиберализм и имперская власть

Почему анархисты всегда стремятся к революции? Это не романтический или ностальгический выбор, а нечто почти откровенно рациональное. Этот выбор основан на логике, которую нам указывает этот вековой капитализм с его ужасами. Что это за ужасные вещи, требующие столь широких преобразований? Некоторые факты могут помочь ответить.

Возьмём данные, которые нельзя обвинить в «яростном радикализме». Безусловно, по этой теме представляет интерес оценка, сделанная на Контр-саммите в Вене в этом году [2009], совсем недавно:

«Транснациональные корпорации обладают огромной властью в мире – властью, которая влияет на жизнь каждого. Транснациональные корпорации путешествуют по миру, сталкивая друг с другом рабочих, общины, целые регионы и даже страны, порождая безжалостную конкуренцию, в которой права человека повсеместно подрываются. Транснациональные корпорации – главные двигатели неолиберальной идеологии – спутницы «этой глобализации». Латинская Америка и Карибский бассейн – одни из регионов мира, которые больше всего пострадали от её разрушительных последствий: безработица и прекаризация труда, рост бедности и маргинализации, разрушение сельскохозяйственных систем в пользу монополии агробизнеса, нарушение прав коренных народов и крестьян, хищническая эксплуатация природных ресурсов, приватизация общественных услуг, деиндустриализация, сужение пространства для государств и правительств в регулировании их экономик».

Те, кто объявил империализм мертвым, не годятся в могильщики. Империализм жив и угнетает как никогда. В то же время государства наиболее промышленно развитых регионов стали выполнять гораздо больше функций в самых разных сферах. Конечно, это другая форма капиталистического государства, она перестала заниматься некоторыми прежними функциями и взяла на себя другие.

Это форма государства, соответствующая нынешнему этапу, на котором крупные транснациональные корпорации играют иную роль, чем классические предприятия предыдущих этапов. Международный финансовый капитал на этом этапе ежедневно пересекается с политическим уровнем. Это экономические, юридико-политические и идеологико-культурные структуры, которые сегодня связаны между собой очень специфическим образом.

35. Наша Латинская Америка и строительство народной власти

Полагаю, стоит упомянуть некоторые исторические факты, поскольку работа носит преимущественно более или менее теоретический характер.

Существуют различные социальные протестные мобилизации. Индейские движения с определёнными частичными и общими требованиями; вооружённая борьба, например, в Колумбии и Мексике, сосуществующая с социальными движениями; народные восстания против правительств и требования национализации природных богатств против имперского грабежа; народные плебисциты против правительственных решений или в пользу определённых социальных и политических ситуаций; повторяющиеся восстания, как в Боливии; сопротивления, пересекающие границы и превращающиеся в единый голос, как против ALCA [Всеамериканская зона свободной торговли, угрожавшей экономической экспансией США в Латинскую Америку, проект закрыт в 2005 году]; экологические движения в защиту природы, так жестоко истерзанной и разорванной системой; недовольства, выражающиеся на традиционных выборах, когда народы голосуют против того, что им уже омерзительно, и испытывают надежды, в разной степени, ожидая прихода нового, лучшего. Выборы, которые, как правило, вскоре обманывают существующие – большие или малые – ожидания.

Этот опыт, связанный с избирательными процессами и институтами, хотя и не способствует напрямую организации народной власти, должен приниматься во внимание как часть реальности, отличной от других исторических периодов.

Мы уже говорили, что выборы можно рассматривать как опросы, отражающие недовольства и стремления населения. Где сами выборы и вся политическая технология верхов, в них вложенная, не могут отменить определённое состояние сознания, которое ситуативно находит выражение в этом механизме политической иллюзии. Механизмы выборов не соответствуют тому исходу, к которому стремится борьба, направленная на иные цели, как это было в Боливии. И в этом механизме временами всё оказывается сильно перемешано и запутано.

Несмотря на всё влияние этих выборов, иногда можно заметить, что значительные и активные социальные слои – организованные или стихийные – решительно выступают за глубинные перемены. Однако в какой-то момент они направляют свои усилия в институциональное русло, потому что эта система (паутина) всё ещё обладает символической властью в сознании людей. В других случаях народное неприятие правительственной политики тоже о чём-то говорит. Конечно, во всех этих избирательных процессах нужно делать поправку на механизмы, которые задействуют союзы правых и правоцентристских сил, на огромную роль, которую играют средства массовой информации, транснациональные корпорации, посольство США и другие.

Да, вопрос выборов появляется вперемешку с различными проявлениями строительства народной власти, с прямым действием социальных движений в поиске новых форм социальной организации, включающих иной, гораздо более высокий уровень народного участия. Это проявления, которые возникают как реакция на старые методы, но которые в момент «возможностей» появляются вместе с избирательной машиной и громкими заявлениями, затрагивающими – порой даже с пафосом – главные народные требования.

И на этом эпизодическом избирательном поле, как уже происходит, предпочтение отдаётся фигурам, которые на самом деле мало или совсем не представляют народ и которые быстро пытаются демобилизовать элементы с наибольшим преобразовательным потенциалом. Существует целый очень извращённый символический мир, который продолжает играть с силой и который, как указывают многие элементы, будет ещё долго мешать подлинным переменам.

Но не выглядят обоснованными те элитарные и авангардистские позиции, которые утверждают, что все эти проявления народной власти и борьбы бесполезны, раз в итоге они не приносят значительных побед на выборах.

Победы нужно искать в другом месте – не на выборах и не в парламенте. У этих побед свой ритм, который может показаться слишком медленным для нетерпеливых. Их нужно искать не в выборах, а в том, как множатся проявления прямого действия, самоуправления в разных сферах, народной организации, которая не стремится становиться частью системы. И в том, как растёт неверие в классическую буржуазную демократию, в политическую «касту» и в традиционные способы ведения политики.

Например, в Боливии свергли Гонсало Санчеса де Лосаду, пришёл Карлос Меса, который проводил политику, по сути, сходную, но народное движение снова вышло на улицы и свергло Месу – показатель того, что их организационный опыт и сознание участия не умерли от разочарования. Что не означает, что Эво Моралес теперь обязательно будет представлять эти требования, но у него нет другой альтернативы, кроме как учитывать их хотя бы частично, поскольку от этого зависит его политическая жизнь.

Видно было, что из-за этих гнусных откатов [регрессов], продвигаемых в основном партиями, называемыми прогрессивными, борьба низов не умирает, у неё уже довольно глубокие корни. Существуют реакционные силы и политические проекты, полные «новых» обещаний, которые заставляют этот относительно новый мир делать выбор – идти по путям, которые порой оказываются рискованными. Появляются временные варианты в конкретных, но обманчивых обстоятельствах, но люди пока не могут полностью от них отказаться. Они отвергнут их, когда смогут сформировать своё собственное общее предложение новых социальных отношений – вещь, которая не придёт извне, а строится изнутри. И для её воплощения необходима определённая социально-политическая сила.

Борьба за народную власть, как видно в Латинской Америке, начинается с повседневной борьбы. Массовые движения временами обладали огромной способностью накапливать силы в районах среди жителей, в комиссиях по конкретным вопросам, как это было с борьбой за воду в Кочабамбе, по требованиям земли и уважения к их общинной жизни, в случае индейского населения. Рабочие и крестьянские профсоюзы и индейские движения в некоторые моменты образовывали прочную социальную

сеть, боевую, завоёвывающую улицы и выдвигающую лозунги, которых в целом не было в повестке ни одной левой партии.

Известны различные народные проявления с решающим участием социальных организаций, которые обозначили форму борьбы с системой в последние полтора десятилетия. В Аргентине – «пусть уйдут все» [движение против кризиса 2001 года]; в Боливии свергли два правительства; в Эквадоре – три за последние пять лет. Ещё одно в Перу. Они сыграли первостепенную роль в срыве попытки правого переворота в Венесуэле.

Прямо сейчас происходит это народное восстание в Гондурасе [из-за военного переворота против левого президента]. Кстати, мы искренне солидарны со всем, что есть антидиктаторского в этой энергичной мобилизации, в которой участвуют различные социальные организации. То, что сейчас происходит – по сути, сопротивление перевороту, – гораздо сложнее, чем просто возвращение конституционно избранного президента.

Существуют разнообразные проявления способности социальных движений действовать и бросать вызов самым худшим правительственным режимам и мерам, которые они производят. Они встречали полицейские и военные репрессии на улицах кровью и огнём. Стали складываться организационные формы; сегодня социальные движения действуют по социальным и экономическим проблемам, борются за достойную медицину, воду, занятость, дороги, электричество, права человека, конкретные права индейских народов, теперь против прямой диктатуры. Эти движения постоянно перерастают из социальных в политические, потому что их требования бьют по интересам господствующей власти, и государство немедленно бросается их подавлять. А в более долгой перспективе система пытается загнать их в привычные рамки – приручить через буржуазные институты.

Иногда говорят, что после такой борьбы почти ничего полезного не остаётся. Но эта оценка строится на старых категориях, которые не годятся для понимания сегодняшнего дня. В этих рассуждениях часто подразумевается: если нет старой авангардной партии с её профессионалами и техниками, то выхода нет. Они просто не могут представить другой политики – обязательно нужна просвещённая элита, которая будет всеми руководить.

Да, политическая организация остаётся крайне важной для освобождения, для разрыва с капитализмом, для его разрушения и для начала строительства нового общества на других основаниях. Но эта политическая организация должна быть другой – не авангардом, а иным уровнем или полем внутри самой борьбы. Она должна действовать изнутри и как часть этой борьбы. Это обязательное условие.

Мы хотим подчеркнуть уже сказанное. Вся эта борьба, требования, противостояния предполагают активное участие населения, накопление знаний на основе опыта и подходов, которые вызревают в поиске правильных решений, – все эти вопросы имеют фундаментальное значение для строительства народной власти, внутри которой в каждый момент должна находиться, глубоко внутри, а не снаружи, политическая организация, осуществляющая двойную деятельность, которую требует процесс такого характера.

36. Может ли это быть наш момент?

Всё сказанное подводит нас к вопросу о роли либертарной политической организации в этот исторический период: её стратегии, её форме организации, её способу присутствия в настоящем. «Авангардные» партии, те, что «представляли» пролетариат и народ, похоже, находятся в банкротстве как никогда. Если взять нашу Латинскую Америку в последние десятилетия, есть богатые примеры того, как эти партии были в стороне или воспроизводили позиции господствующих сил, в различных радикализованных движениях и выступлениях, которые проводили низы, в значительной степени движимые широкими социальными организациями. Боливия была самым показательным примером. Но мы знаем, что это был не единственный пример, что эта ситуация была рекой, протекавшей по разным точкам нашей карты.

Однако народные движения, в то же время, когда они являются главными действующими лицами значимых социальных и политических противостояний и выходят за пределы позиций партий «левых», в определённые моменты ослабевают и оставляют пустоту, которая вскоре заполняется старыми знакомыми. Есть те, кто оценивает эту пустоту почти всегда исходя из логики отсутствия авангардных партий, которые предлагали бы занять пространства в государстве, чтобы начать оттуда процесс преобразований. Стоит сказать, что эти люди анализируют или предлагают такого рода вещи, исходя из той же логики, которая привела к тому, что «левые» партии оказались в стороне или не признавали того, что эти народные пути являются правильными.

Почти никто не говорит о том, что речь идёт о совершенно ином способе ведения политики и ином понимании политической организации. Какую роль должно играть политическое сегодня, учитывая весь наш исторический опыт? Мы считаем, что старая модель «приводного ремня» больше не работает. Работает другая модель, использующая другую логику о которой мы уже говорили – организация как «маленький мотор». Роль организации, безусловно, остаётся важной, и она отличается от роли общественных [массовых] организаций. Но сегодня нам нужно гораздо точнее определить, какова её область действий и какие практики ей соответствуют. Это одна из наших задач.

И нам кажется, что именно анархизм созвучен этим движениям и что он в общих чертах отстаивает именно такую общую стратегию и такие политические действия, которые необходимы как итог этих процессов.

37. Вооруженная борьба FAU

ФК – Имела ли FAU, наряду с другими видами деятельности, особую задачу вооружённой борьбы? Вызвало ли это значительные организационные проблемы? Претерпела ли структура организации важные изменения?

ХКМ – Это важная тема, и её следует рассматривать в связи с внутренней организацией, подготовкой и обучением активистов в рамках исторических условий, которые необходимо было преодолеть. Известно, что эсепцифистские организации, как и другие, имеют такие документы, как Декларация принципов и Организационная Хартия.

Политико-социальные направления работы и опыт воплощают эти направления в различных социальных сферах, и вместе с важными ситуативными изменениями это приводит к тому, что Организационная Хартия время от времени изменяется. Декларация принципов организации в один период также не остаётся неизменной после нескольких лет активистской работы. Но, в целом, у меня такое впечатление, исходя из нашего опыта, что она менее нуждается в изменениях. Это также зависит от того, как составлена Декларация принципов. Если в Декларации принципов прописаны вещи, которые зависят от текущей ситуации или от конкретных исторических периодов, то её придётся пересматривать чаще. Общие принципы корректируются, развиваются, обновляются в зависимости от прогресса знаний, но, как правило, в более медленном темпе. Существуют идеологические, а не теоретические элементы, которые держат нас вместе, составляют нашу коллективность, которые включают в себя наше общее воображение, мировосприятие и чувство сплочённости и которые, даже не будучи догмами, дают нам уверенность в избранном пути и поэтому не сильно меняются.

В любом случае, эти инструменты, которые находятся в связи со всем комплексом задач, не были задуманы как средства, но как часть общего представления о динамике активистской деятельности. Это положения, которые являются составными элементами организованного анархизма и имеют ту же ценность, что и другие элементы. Мы знаем, что в нашей либертарной среде существует давний спор о том, является ли организация лишь средством или нет. Рассматривать организацию только как средство, для нас, означает отделять практику от способа её осуществления; позиция, которая влечёт за собой серьёзную проблему.

Но я остановлюсь подробнее на вашем вопросе. Включение специального вооружённого аппарата для регулярных операций требует ряда методов, соответствующих специфике задач, которые необходимо решать и выполнять. Кроме того, и это вопрос фундаментальный, его существование оказывает влияние на всю организацию. Это не просто добавление ещё одного вида деятельности к тем, которые у организации уже есть. Это означает перестройку всей организации, чтобы её остальные виды

деятельности были последовательно вписаны в стратегию и, естественно, в общую идеологию, охватывающую этот комплекс социально-политических действий.

В этом конкретном аспекте вооружённых действий FAU не начинала с нуля и не присоединялась к моде на партизанскую борьбу, которая называлась «фокизмом». Она не начинала с нуля, потому что анархизм уже имел целую историю вооружённого прямого действия, очень плодотворную: героическую, возмездия, экспроприаций, жестоких и кровавых столкновений с репрессиями. Если говорить кратко, борьба и революционные попытки анархистов были очень важны в истории, например, Чикагские мученики, Сакко и Ванцетти, Испанская революция, Железная колонна Дуррути, а также здесь, в Рио-де-ла-Плата, Трагическая неделя, борьба и резня в Патагонии, рабочие-мстители, казнившие палачей... Список был бы очень длинным, но я хочу лишь привести несколько примеров.

Эти примеры не были абстрактными, они были частью воображения и чувств значительной части активистов, основавших FAU; жестокие преследования, тюремные заключения, убийства анархистов, казни и «исчезновения». Этот мир не был им неведом. Многие из этих событий были темами регулярных бесед в различных центрах анархистской деятельности, иногда во всех подробностях, но не только на формальном уровне, в пропагандистских материалах или дебатах. Их также рассказывали в братских беседах товарищи, знавшие или участвовавшие в подобных мероприятиях: испанцы, обосновавшиеся в Уругвае, участвовавшие в Испанской революции; экспроприаторы, пережившие пытки и долгие тюремные сроки; рабочие, жестоко преследовавшиеся и подвергавшиеся пыткам в Аргентине и отчасти в самом Уругвае.

Мы осознавали, что борьба отнюдь не легка и что революция не произойдет вмиг. Партизанские течения, возникавшие в то время, имели иное представление о враге, и были даже те, кто думал и даже говорил, что революция уже близко. Марксизм в Латинской Америке имел совершенно иную историю и мировоззрение, почти не имевшее точек соприкосновения с нашим. Марксисты в то время ориентировались на кубинскую революцию, которая была нетипична для линии мирного сосуществования, защищаемой коммунистическими и левыми партиями континента, которые и составляли основную марксистскую силу.

Поэтому автоматический перенос партизанской стратегии, выраженной в «фокизме», никогда не разделялся нами. Мы видели вооружённую борьбу по-другому, в иной исторической перспективе. Мы очень хорошо помнили историю наших стран. Как не было совпадения, так не было и конфликтов с теми, кто посвящал свою жизнь стратегии, отличной от нашей. Мы шли разными путями и часто координировали отдельные технические действия.

Я расскажу об этом чуть подробнее, не просто ради праздного размышления, а потому, что в определённых либертарных кругах нас отождествляли с «фокизмом» или «герильей», как говорили, но это никогда не было так; это ошибочное представление.

Решение о создании вооружённого аппарата не было принято в одночасье; ему предшествовал целый процесс. В нём постепенно адаптировались организационные формы, инфраструктура для чрезвычайных ситуаций, альтернативные места, где будут действовать товарищи из профсоюзной и социальной сфер в публичной среде в период преследований, установление критериев и основных механизмов безопас-

ности как для публичной, так и для той активности, которая уже вела вооружённую работу или более brutальную поддержку профсоюзной среды.

Это начало оформляться в 1962 году. В 1963 году процесс немного приостановился, поскольку, когда встал вопрос о необходимости адаптировать общую структуру организации для функционирования в надвигающихся тяжёлых временах, которые мы предвидели, возникла группа товарищей, которые не согласились, поскольку у них уже было другое стратегическое предложение, в основном основанное на ненасилии. Они полностью не согласились с нашим решением. Это было одной из причин раскола с некоторыми товарищами из FAU в 1963 году.

Затем FAU продолжила работу по корректировке Организационной Хартии в соответствии с оценкой предстоящей ситуации, которая, как мы ожидали, должна была ухудшиться. Ясно, что это требовало финансов, и для этого проводились экспроприации, в основном банков. Таким образом, наша Организационная Хартия в итоге сохранила важную часть почти нетронутой, но также включила новую часть, которая касалась новых органов, комиссий, секретариатов и функций, чтобы организованно покрыть весь комплекс запланированных мер.

Существовала логика, которая настойчиво говорила нам, что если анализ ситуации предполагает определённые действия, мы не можем после того, как мы это узнали, говорить такие вещи, как: *«Хорошо, но мы не можем взяться за многие из этих задач, потому что они меняют наши принципы и влекут за собой риски отклонения»*. Если бы мы так поступили, мы бы объявили о нежизнеспособности анархизма как социального течения, стремящегося преобразовать систему. Мы бы похоронили анархизм или оставили его как далёкую ссылку на прошлое.

В то время, как и сейчас, мы смотрели на вещи таким образом. У нас есть проект и мы осуществляем его, проект, который, как мы верим, соответствует народным требованиям; в противном случае мы оставляли бы пространство для других, с иными политическими концепциями. И назад дороги нет.

В то время организация уже нуждалась в создании вооружённого аппарата, для различных функций, а также для роста. Чтобы направлять симпатии и борьбу, которые доходили до нас, чтобы продвигать инициативы определённого масштаба, чтобы делать новые организационные шаги, и всё это также немедленно требовало определённой суммы денег. Конечно, это не было приоритетом Народной революционной организации (OPR), особенно если учесть момент её наибольшего развития. Однако это была одна из задач, которые предстояло решать на постоянной основе, и изначально она была приоритетной по указанным причинам.

Репрессии в то время были высоки, поскольку партизанское движение Тупамарос уже действовало, и это требовало соответствующей технической подготовки наших людей, чтобы они могли выполнять свои задачи и выжить в этом процессе. Сотрудничество в проведении определённых вооружённых акций в тех репрессивных условиях уже не работало. Основу вооружённого аппарата составляли рабочие, которые вложили значительные средства в свою подготовку и делали это с большой скромностью и ответственностью, понимая, что некоторые вещи будут осваиваться по ходу процесса.

Однако, я полагаю, ваш вопрос больше касается теоретического аспекта, связанного с организационной формой – в данном случае, Организационной Хартией, – который устанавливал органы, функции, права и обязанности товарищей-активистов.

Мы стремились не оставлять открытых вопросов по важным темам, чтобы они не могли породить бесконечные сомнения. Специальные органы и конгрессы решали любые разногласия в толковании или недостатках Хартии. Мы всегда считали, что коллектив должен заниматься этими вопросами.

Дискуссии, различные точки зрения, смена мнений происходили, в основном, в рамках политического и социального анализа. И это было, и всегда будет, очень конструктивно; выработка культуры серьёзного анализа и обсуждения не является второстепенной задачей политической организации.

Важно упомянуть, даже без должного углубления, что OPR (вооружённое крыло) не обладала стратегической независимостью. То есть она не решала, проводить ли экспроприации, похищения и так далее, это решала политическая организацией через орган, который её представлял и был коллективно признан. Эта модель отличалась от практически всех других партизанских движений в Латинской Америке того времени, за исключением чилийского Движения революционных левых (MIR), которое можно считать партией; но, следует уточнить, марксистско-ленинской партией с соответствующим централизмом.

38. Как работало боевое крыло FAU

ФК – Существенные различия OPR по сравнению с фокизмом понятны. Не могли бы вы рассказать подробнее о том, как была организована и действовала эта вооружённая структура? В рамках нашей либертарной концепции, как рассматривалось функционирование вооружённого аппарата?

ХКМ – Это было большой заботой с самого начала регулярной деятельности OPR. Либертарный опыт в этом смысле был очень мал. Не в отношении самого действия, это ясно, а в отношении вооружённой прямой работы в рамках организационной структуры и в должной связи с общей стратегией, с ответственностью, самодисциплиной и дисциплиной. Процесс, в котором группа товарищей действовала как ещё одна часть организации и брала на себя обязательства по коллективным решениям, в которых они участвовали наравне с другими товарищами.

Есть один товарищ, Кармело, который сидел в тюрьме в другой стране и там, в заключении, в течение многих лет общался с товарищами из других организаций. Он рассказывал нам, что активисты из других организаций находили странным и одновременно интересным то, как мы подошли к вооружённой борьбе.

Кармело – старый товарищ, очень опытный и хорошо подготовленный в теоретико-политическом плане. Уже много лет он хочет написать более развёрнутую работу на эту тему, дополнив то, что я кратко изложил в четвёртом томе «Acción Directa Anarquista: una història de FAU». Значит, эта тема нам по-прежнему важна, и когда-нибудь у нас будет более подробный материал по ней. А пока я обращаюсь к уже упомянутой книге.

Без сомнения, вооружённая борьба – это задача, которая может привести ко многим отклонениям, а также к тому, что на вещи будут смотреть с иной, чем наша, точки зрения; в некоторых случаях, что ещё хуже, она может порождать поведения, с которыми мы не имеем ничего общего и которые являются полной противоположностью тому, чего мы хотим в нашей борьбе.

Но, как я уже говорил, не существовало анархистского священного камня, из которого мы могли бы извлечь указания и рекомендации. Нам приходилось экспериментировать, руководствуясь фундаментальными аспектами нашей идеологии. Это был вызов, но в то же время и настоящая политическая обязанность.

Часто говорилось: *«Надо быть осторожными, чтобы не потерять смысл вещей. Определённые ценности, которые для нас фундаментальны, не должны быть оставлены на пути. Это деятельность, которая может привести к серьезным искажениям и иметь тяжелые последствия».*

Даже не нужно говорить, что эти предосторожности основывались на нашей либертарной концепции и известном опыте, как историческом, так и недавнем, который происходил в партизанских движениях, существовавших во многих странах.

Можно сказать, что существовала либертарная концепция того, как должна осуществляться эта вооружённая деятельность, которая делала свои первые шаги. Существовал комплекс идей, который, как мы полагали, мог придать этой работе отличительный характер, основанный на классической концепции и практиках. Нам нужно было проводить эксперименты, основываясь на определённых критериях нашей либертарной матрицы.

Для начала, мы придавали большое значение используемым словам, которые были связаны с необходимыми функциями, из-за этой магической связи между словами и вещами. Вместе со словом приходит и содержание, а также и отклонения. Никаких «шефов» нигде; товарищи с определёнными обязанностями должны были называться «ответственными». Это было решено, установлено и практиковалось.

Таким образом, в деятельности OPR никогда не было начальников или командиров. Были ответственные, и содержание этого давало совершенно иные результаты. Ясно, что вместе с этим были и другие вещи, которые составляли единство в этой попытке создать культуру сопротивления начальству и милитаризму. Наряду с различными повседневными практиками, внутренне связанными идеологией, мы уделяли первостепенное внимание подготовке товарищей; у нас была широкая подготовка.

Я расскажу сначала о некоторых из этих маленьких повседневных практик, которые так помогали в подготовке; ежедневных практиках, которые столь эффективны.

«Самокритика и ценности не должны быть пустыми речами, оторванными от того, что мы делаем каждый день» – Это говорилось, чувствовалось и делалось.

Проблема ценностей переживалась ежедневно. У каждой ячейки OPR была оценочная карточка, где оценивалось поведение активистов. Такая оценка проводилась регулярно – раз в месяц или раз в два месяца. Ячейка оценивала себя сама, и в ходе этого процесса анализировалась работа как ответственной ячейки, так и ответственного лиги (лига – это структура из трёх ячеек).

Оценочная карта содержала такие ценности, как солидарность, братство, скромность и способность к самоотдаче, которые предшествовали оперативной «военной» способности, которая, конечно, также оценивалась должным образом.

Это имело очень положительные результаты. Прежде всего, критика и самокритика не были пустыми словами, не были тем, о чём говорили, но не делали. Таким образом, все были с этим согласны, это было нормальным и совершенно естественным, что ответственного могли подвергнуть сомнению и даже попросить сменить должность.

Таким образом, происходил разрыв с произвольными властными механизмами, которые, видимо или невидимо, в итоге порождают порочные практики. Существовала явная тенденция минимизировать и обесценивать такие вещи. Это был процесс, требовавший значительной работы, поскольку такое не происходит автоматически. По крайней мере, в этой *«западной, христианской и капиталистической»* культуре вопрос власти и превознесения эго никогда не следует упускать из виду. Безусловно, не одно и то же – усиливать эти механизмы и бороться с ними.

«Товарищ ответственный за лигу должен сильно вырасти. Со скромностью у него проблемы». Такие замечания от рядового члена ячейки были обычным делом и воспринимались положительно. И поскольку это было реальным правом, а не пустой

формальностью, коллектив становился сильнее, а ответственному было всё труднее оставаться на своей позиции, если он действовал произвольно.

Это было не похоже на ситуацию, когда начальник вдруг решает стать справедливым и говорит: *«Давайте проведём критику и самокритику»*. Потому что обычно в таких случаях люди, боясь последствий, просто делают вид, что участвуют, а на деле всё остаётся по-старому. Как шутливо говорят в некоторых случаях: *«Любая критика, которая говорит, что всё в порядке, приветствуется»*.

Важно отметить, что ежедневное следование этим ценностям не заставляло нас забывать о том, что эта деятельность имеет свою особую природу и требует особого подхода. Существовали чисто исполнительные инстанции и постоянные задачи, которые должны были выполняться определённым образом. Например, никто не ставил под сомнение, что в момент операции именно ответственный принимает решения по проблемам, которые могут возникнуть и которые, возможно, не были учтены в предварительном планировании, то есть по непредвиденным обстоятельствам. Это не время для собраний.

«Да, деятельность может быть технически военной, но мы должны привыкнуть как можно меньше упоминать это слово. Мы должны использовать такие термины, как революционное политическое действие», – говорил Херардо Гатти на одном из руководящих собраний FAU.

С такими подходами постепенно создавались важные культурные зачатки, которые материализовали ценности, которые мы ставили во главу угла. Создавались привычки, которые позволяли активисту ясно видеть свои права и обязанности. Многие вещи начинали казаться «естественными». Быть авторитарным, произвольным, не иметь скромности, солидарности – это не проходило незамеченным и никогда не терпелось в молчании.

Термин «команданте» использовался только в шутку. Существовала идеология, которая двигала и вдохновляла всё это. Некоторые товарищи были воспитаны на рассказах об эпизодах борьбы, требованиях свободы, будущих обществах, которые будут справедливыми и человечными, основанными на уважении к людям.

Отвергались все механизмы власти, требующие подчинения, которые прославляют власти и героев-картонок. Полностью отвергались инструменты превращения людей в бездумные автоматы на службе сильных мира сего, такие как репрессивные аппараты. Правда в том, что в рамках той культуры быть похожим на военного никому не льстило.

Это была либертарная среда. Оттуда исходила необходимость не производить солдат революции, а революционных товарищей. Существовало сильное сопротивление милитаристским отклонениям и авторитарным практикам. Поэтому было нормально, что вооружённый аппарат был подчинён политическому; что вещи делались в соответствии с общей стратегией организации, её оценками ситуации. Ни само оружие, ни высокомерие, которое часто с ним связано, не могли здесь укорениться. В этой среде не было места культу оружия.

Эффективности, развитию и результативности конкретной вооружённой работы мешали ли такие принципы как: особый подход к дисциплине и самодисциплине, принцип первостепенности коллектива, отсутствие милитаризма, уважение к акти-

висту как к человеческому существу, равное обращение, неприятие авторитаризма? Могу утверждать, что нет.

Даже учитывая краткий период этого опыта, мы можем сделать много выводов.

Ни в коем случае нельзя сказать, что всё работало идеально. У меня нет желания идеализировать этот вопрос. Но, учитывая ошибки и проблемы, с которыми мы сталкивались и которые стремились преодолеть, мы видели, что *мы становились только эффективнее, а выполнение задач – надёжнее и качественнее*. Мы видели, что самодисциплина и убеждённый товарищ творили чудеса. Даже при больших ограничениях и нехватке ресурсов всё работало. Были самоотдача, готовность, способность каждого решать вопросы; был приемлемый уровень преемственности и роста.

Фоменто (Федеральное собрание), Агилар (орган, отвечающий за вооружённую часть), Лиги (колонны, состоящие из трёх ячеек по пять членов в каждой) и Ячейки (базовый орган из пяти членов) смешивались и создавали иную культуру вооружённого активизма. Она не имела в качестве ориентира то, что возникало в тот исторический момент, что распространялось по континенту [фокизм] и чему сильно подражали; несмотря на великий и достойный уважения героизм, это не имело ничего общего с нашими целями.

«Мы должны сами создавать то, что нам нужно, исходя из наших собственных представлений, но при этом не отрываясь от истории этого места и наших идей. Бездумно подражать другим – плохая идея» – так считало большинство.

Создавалось нечто, что не могло быть осуществлено указами, решениями собраний или хорошим управлением. Развивалась способность к размышлению и реальному участию активистов, так что это создавало любовь и понимание защищаемого дела.

Очевидно, этот опыт, помимо того что был кратким, имел проблемы. Однако он убедил нас в одной вещи: можно развивать либертарную «военную» деятельность, и что заблуждение – считать, что такую работу адекватнее и лучше всего организовывать через авторитаризм и иерархию. *«Организация должна иметь ценности, которые предвосхищают то, что мы хотим завтра»*. Это всегда утверждалось и направляло все наши задачи.

39. Подготовка активистов боевого крыла. «Школка».

В отношении подготовки активистов, развитии их способностей анализировать, есть конкретный опыт, позволяющий глубже понять эту ситуацию: «Школка».

Эта деятельность стала известна под этим уменьшительным названием, возможно, задуманным для того, чтобы лишить её торжественности. Мы стремились согласовать ее с представлением о скромности, так подчёркиваемой в ячеечных оценках. Что такое Школка? Это был опыт, проведённый с молодыми членами OPR, которые брали на себя большие обязанности. Он охватывал деятельность по передаче знаний по различным темам: философия, психология, история, педагогика. Школка стремилась порождать дискуссии и размышления на эти темы. Несколько специализированных товарищей, в основном преподаватели, отвечали за процесс обучения.

Мероприятие проводилось регулярно и непрерывно, давая плодотворные результаты. Нандо и Сильва были двумя его главными вдохновителями.

Чтобы понять, какое значение придавалось задаче обучения, необходимо вернуться к политическому контексту, в котором она проводилась. Это было время, когда репрессии были повсеместны. Постоянное патрулирование на улицах, преследования, вторжения в дома и наблюдение за подозрительными местами. В таких условиях было необходимо собирать членов вооружённого аппарата, которые не принадлежали к одной лиге, специалистов и учителей. В то же время важно было заботиться об общей безопасности *и о том, чтобы товарищи не знали друг о друге больше, чем нужно.*

Кроме того, дом, где действовала Школка, был незнаком почти для всех. Это требовало дополнительных усилий, так как нужно было доставлять товарищей, убедившись, что они не знают, где находятся. Встречи проводились с активистами в капюшонах, скрывавших их лица. Но все были убеждены, что цель стоит усилий и риска.

Эта инициатива возникла в Фоменто (Федеральное собрание), руководящем органе FAU. Даже не потребовалось много обсуждений, так как по этому вопросу был консенсус. Это был тот тип задач, который предусматривался, поскольку подготовка активистов всегда приветствовалась. За этим стояла целая история. Лишь Сильва – тот, кто потом стал одним из главных энтузиастов этого дела, – поначалу сомневался. Его вопросы были примерно такими: не будет ли эта задача более подходящей для несколько более позднего времени? Будет ли отдача, которая оправдывает усилия? Видят ли товарищи из OPR, которые будут участвовать, в этом необходимость?

После устранения сомнений мы решили продолжить деятельность, которую должен был организовать Рохелио. Нандо проводил первую часть, формируя ячейку,

которая будет работать с ним, и создавая группу, которая будет разрабатывать тесты, которые затем будут применяться ко всем членам OPR. Затем эти тесты будут обсуждаться на совместном собрании.

Товарищ Нандо был психологом, считавшимся специалистом высочайшего уровня, человеком с прекрасными человеческими качествами и который умел находить общий язык с людьми. Другие товарищи, которые тогда составляли с ним ячейку, также были профессионалами. Эта группа интенсивно и непрерывно работала над разработкой и применением тестов. После завершения этой части были проведены регулярные коллективные собрания, на которых обсуждались различные другие вопросы.

Результаты этого опыта были признаны очень хорошими. Но об этом лучше предоставить слово одному из участников, «ученику», который с энтузиазмом включился в это мероприятие, рабочему, кажется, из текстильной отрасли.

«– Рубен, что ты помнишь о Школке?»

– Первое, что помню, был тот процесс психологического тестирования, которому мы подверглись. Я помню, что это происходило в течение нескольких дней в амфитеатре больницы и включало наборы тестов, рисунков, историй, карт. Все тесты, которые тогда применялись, а потом анализировались и обсуждались товарищами, были построены на критическом подходе к психоанализу. И это было важно.

Марксизм, как известно, никогда не обращал внимания на эту перспективу, приравнивая её к фармакологической психиатрии. Для меня этот опыт был очень значимым – он открыл передо мной целый мир книг и идей, о которых я раньше не задумывался. Затем, когда школа заработала, выяснилось, что результаты тестов были впечатляющими, поскольку они совпали, как мы увидели позже, с 90% оценок.

Тесты были только введением. Затем рассматривались теоретические и практические вопросы. На практике давались первые представления о взрывчатых веществах, оружии и тактике. Я также помню, что обсуждались исторические и философские вопросы, и я помню диаграмму с квадратом, который можно было вставлять и вынимать, и целую дискуссию о науке.

Школка также стимулировала активистов читать самостоятельно, по собственной инициативе. Если сравнивать её с школами кадров в Аргентине и других местах, то Школка не имеет с ними ничего общего. Например, [марксистско-ленинская] Революционная рабочая партия (PRT) Аргентины была очень идеологизирована, и в вопросах оружия было много лирики. Монтонеры [левоперонистская партизанская организация 1960-1980-х годов] вкладывали много средств в военную подготовку и мало в идеологическую. Школка охватывала широкий спектр вещей. В любой системе образования всегда есть связь, основа передачи знаний.

Другое, что я помню, это то, что наборы тестов использовались критически. Потому что, если бы это было не так, если бы их интерпретировали стандартно, мы все были бы сочтены непригодными психопатами. Специалистам приходилось переоценивать все тесты с этим другим критерием [идеологией и жестоким контекстом], и это было очень тяжелая работа. Все очень старались, чтобы Школка функционировала как надо.

Я бы ещё добавил, что, сравнивая то, что я помню о Школке, с аргентинским марксистским опытом, я смог яснее понять Школку – как в её скромности, так и в её величии;

как в её психоаналитических техниках, так и в её человеческих заботах и философских сомнениях.

То, что только классовая борьба движет историей, может утверждать только марксист. Было хорошо наполнить голову сомнениями и уверенностями, исходя из которых мы судим о жизни. Это и есть тот замечательный аспект системы образования Школки».

Заключение

ФК – Ещё один важный вклад нашего течения в анархизм – это отношение к активистскому долгу и преданности делу в рамках анархистской политической организации. Не могли бы вы рассказать, почему эти аспекты так важны для революционного проекта преобразований? И последнее: какой термин вы предпочитаете – либертарный социализм или анархизм? И хотели бы вы что-то добавить в конце?

ХКМ – У нас есть старая поговорка: *«Анархизм – это образ жизни»*. Её повторяли старые товарищи ещё в начале 1900-х годов, которые вели борьбу с 1905, 1910, 1920 годов. Когда создавалась FAU, эта фраза, которую часто произносили эти сдержанные, скромные и самоотверженные товарищи, стала для нас важнейшим идеологико-этическим ориентиром. Нечто столь простое и столь важное. Как это было важно! В ней не было ни грамма высокомерия или элитизма. Мы пытались выразить одной фразой полную самоотдачу делу – чувствовать его каждый день, жить им, быть последовательными, не вступать в сговор с системой через соответствующие или близкие ей поступки, бороться с пустотой красивых, но ничего не значащих фраз.

Старые активисты хотели сказать: есть вещи, за которые стоит отдать жизнь, и среди них – борьба за справедливое, свободное и солидарное общество. Они хотели сказать: невозможно видеть столько несправедливости и жестокости и оставаться равнодушным, думая только о своих личных делах и считая всё остальное неважным.

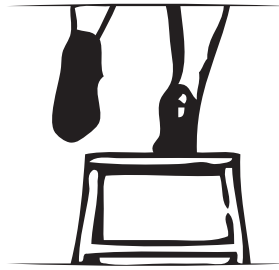
Но не надо думать, что это означало оторванность от жизни или пренебрежение к другим людям. Нет. Эти активисты были в народе: они организовывали братские праздники, футбольные команды, карнавалы, театры, пикники и жили обычной жизнью в своих кварталах, как и их соседи. Для них было важно постоянно работать над собой, исправлять свои укоренившиеся недостатки и посвящать борьбе и распространению идеала всё возможное время – готовить революцию.

Я считаю, что преданность делу должна быть настоящей, и преданность организации тоже – той, у которой есть социальный проект преобразований, анархистской организации, которая хочет перестроить жизнь так, чтобы коллектив не подавлял личность, а раскрывал её.

Что касается терминов, я считаю «анархизм» и «либертарный социализм» синонимами. Но лично я предпочитаю слово «анархизм». Это чувство, оно связано с эмоциями и памятью.

Вернусь к сегодняшнему дню и закончу наш разговор. Вместо заключительных слов о преданности делу я хочу, чтобы заговорили своими поступками все товарищи из FAU, которые были замучены, убиты, «исчезли», расстреляны – как и многие другие в нашей истории. Они хотели, всем своим «сердцем», того будущего – социализма и свободы – и без колебаний посвятили себя ему целиком. Это они постоянно говорят нам: Вперёд! Вперёд! Потому что это дело стоит всего!

Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм

Филипе Корреа, Уругвайская анархистская федерация (ФАУ), Анархистская
Федерация Рио-де-Жанейро
Стратегия Эспецифизма. Интервью с Хуаном Карлосом Мечосо (FAU)
август 2009

переведено с португальского и испанского

Аннотация: Это интервью – проведённое Фелипе Корреа с Хуаном Карлосом Мечосо из Федерации анархистов Уругвая (FAU) – посвящено «стратегии эспецифизма» FAU. В вопросах затрагиваются такие важные темы, как: понятие эспецифизма, связь этого типа анархизма с классиками и с похожими опытами, возникавшими в истории, связь эспецифизма с латиноамериканским контекстом, сравнения с другими идеологиями, которые придерживаются идеи о деятельности на различных уровнях (партия – массовое движение), понятия науки, идеологии и их связи с социализмом, программные позиции, которые анархисты должны отстаивать в народных движениях, понятия и концепции класса, неолиберализм, модель развития Латинской Америки, народная власть, стратегия, вооружённая борьба, социальная революция.

ru.anarchistlibraries.net